

Юрий Николаевич Бурносов

Чудовищ нет

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153770

Чудовищ нет: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2006

ISBN 5-352-01929-3

Аннотация

Встречайте новый мистический триллер Юрия Бурносова, автора знаменитой трилогии «Числа и знаки»!

Испокон веков вампиры, оборотни и демоны живут среди людей, питаясь нашей кровью и нашим страхом. Испокон веков ведут с ними войну поколения «знающих людей» – маги, каббалисты, охотники за чудовищами. Много столетий тлела эта тайная война и достигла апогея в наши дни. Все, кто желал власти над людьми, – народовольцы, пламенные вожди пролетарской революции, лидеры нацистской Германии, – все они так или иначе были вовлечены в нее. Но решающее сражение начинается сегодня на улицах маленького провинциального российского городка. Кто встанет на пути потусторонних сил, стремящихся прорваться в наш мир? Есть ли герои?

Содержание

ЧУДОВИЩ ЕСТЬ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
1	7
2	11
3	17
4	22
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	28
1	28
2	34
3	37
4	40
5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юрий Бурносов

Чудовищ нет

ЧУДОВИЩ ЕСТЬ

Предлагаемый вниманию читателя роман Юрия Бурносова носит почти интернетовское название, однако не торопитесь искать в Сети одноименный сайт. Совпадение, скорее всего, случайно, если в нашем с вами мире вообще бывает что-либо случайное. «Чудовищ нет» – роман о людях и демонах. На этом месте кто-то может предположить, что книга носит гуманитарную, общечеловеческую и, более того, общесверхчеловеческую направленность... Но ничего подобного, никакого пацифизма и гуманистических ценностей, не тот автор! Сперва вампиру надо вбить кол по самое не балуйся, а уж потом пусть шериф, городской, да хоть бы даже комиссар в пыльном шлеме зачитает ему права, главное из которых – право хранить вечное молчание.

Только так можно с чудовищами.

Если успеешь первым.

1

Последнее время среди писателей-фантастов ходит анекдот: встречаются у издательства два автора, оба с рукописями, и один другого спрашивает «А в твоём романе вампиры что делают?» Не смешно, конечно, зато про войну. Про древнюю войну людей с другими расами за право жить на нашей планете и самим решать свою судьбу. Тема эта не так стара, как кажется, а ее коллективное рассмотрение российскими фантастами определенно становится отдельной главой в истории отечественной литературы.

Западные коллеги наших фантастов редко прибегали к противопоставлению людей и выдуманных «сверхрас». Вот если надо сцепиться с орками-унтерменшами, то запросто. Если надо порубить в капусту негуманоидных инопланетных тварей – милое дело. А как коснется дело существ подревней да «пообразованней» человека, так сразу хочется западным литераторам найти с ними что-то общее и ненавязчиво подружиться. С такими лучше сосуществовать. В крайнем случае, можно найти среди них эдакого хорошею «бессмертного горца», который и станет героем, срубая головы своим же сородичам – врагам рода человеческого. Другое широко известное произведение предполагает, что сверхраса – волшебники – вообще живет интереснее и содержательнее «маглов», которым лучше всего в их дела не влезать. А если некий ураган, как следствие разборок в магическом сообществе, все же прихлопнул несколько человечков, то... То ничего. Волшебники сами между собой разберутся. Победят плохие – прощай, планета. И, тем не менее, людей это не касается. Потому что они – никто, жалкие младшенькие гуманоиды. Им безжалостно стирают память, не собираясь посвящать в происходящее. Читатель, само собой, ассоциирует себя не с недотепистыми маглами, а с волшебниками. Тем самым, быть может, становясь чуть менее человеческим?

Этот абзац может показаться смешным – нашел к чему придраться, к детской книжке. А я не придираюсь, Роулинг замечательный мастер своего цеха. Вот только общий посыл мне не очень нравится: хэллоуиновское заигрывание с силами зла стало уж слишком подбострастным. Или это не силы зла, а всего лишь добрые волшебники?... Как поглядеть. Добрые-то они добрые, по крайней мере, частью, но понравилось бы вам, окажись все описанное Роулинг правдой? Если у человека на планете есть сосед, гораздо сильнее и мудрее его и именно поэтому вечно остающийся в тени. Если обыденное сосуществование с ним порой

приводит к бедам, о причине которых человеку не позволено даже догадываться. Чуть подумать, и текст становится не столь прост, как хочется читателю западному.

Но отечественная фантастика хоть и блудоватая, а все же дочь русской литературы, и интересуют ее прежде всего «проклятые вопросы». Как быть, например, с теми, кто клянется в дружбе, но при этом намного сильнее? Может быть, враг лишь выжидает удобного момента? Тогда надо не чесать затылок, а немедленно бить, и бить насмерть. Или, напротив, не стоит связываться со сверхрасами? Ведь им уничтожить нас гораздо проще. Тогда, наверное, следует покориться, а тем временем постараться стать сильнее и выждать тот самый «удобный момент»?...

Ксенофобия. Безусловная, откровенная ксенофобия – вот что пронизывает многие произведения отечественных фантастов. Однако в лучших образцах жанра к очередной этической теореме прилагаются и доказательства – все же литература у нас русская, тут «абы-как» не проходит. Сергей Лукьяненко в своих «Дозорах» хоть и от лица Иного, но вполне недвусмысленно указывает: Иные питаются энергией людей, они, в конечном счете, нелюди, Светлые или Темные, и людям не нужны. Даже их добро всего лишь уравнивает их же зло. Да, такими мы их видим... Вадим Панов в цикле «Тайный город» уместил в Москве целое сонмище древних рас. И что же? Лояльны они к людям? Да, но как к «младшим». То есть наши соседи, сильные и мудрые, строят свою жизнь у нас под носом, решают свои проблемы порой за наш счет, а интриги их ничем хорошим для нас, людей, обернуться не могут. Олег Дивов в романе «Ночной смотрящий» с присущей ему безапелляционностью рисует сам процесс борьбы людей с нежитью. В романе показано: могут люди сосуществовать с тварями! Могут, если тварь приручена и сидит на цепи. И с их «смотрящим» поговорить стоит – все же любую войну лучше контролировать. А все равно как доходит до драки – все средства хороши. Жестокость и еще раз жестокость, гуманизм – это для людей, а не для нелюдей. Нелюди другого языка не понимают.

2

Список можно продолжать, но пора остановиться. Перед нами роман Юрия Бурносова, одного из самых перспективных наших фантастов. Перспектива его – прежде всего в читателях, как автор он уже достаточно сформировался. И вот Бурносов тоже коснулся темы «демонов». Сверхраса, практически бессмертна, сильна, существует между людьми, но втайне от людей... Не забегая вперед, скажу только, что автор свою картину предпочел развернуть исключительно на российском фоне, на двух площадках: наши дни, провинциальный город и люди, его населяющие, с одной стороны, и Российская империя в расцвете сил, пытающаяся бороться с невидимым врагом, с другой стороны. Насколько связаны эти две действительности, дали ли они Бурносову необходимую «объемность» повествования? Пожалуй, да. Ввести демонов или вампиров в нашу среду – это «городское фэнтези», жанр, широко шагающий по прилавкам книжных магазинов. Но неужели проблема возникла только что? Ведь люди и демоны сосуществовали рядом с древними расами тысячелетия. Противопоставил тайным врагам рода человеческого цветущее, мощное государство. К какому выводу он пришел – прочтете в романе.

Не могу удержаться от упоминания еще одной, поистине культовой книги. Это «Трудно быть богом» Аркадия и Бориса Стругацких. Там в роли «демонов» выступали как раз люди – сильные, красивые, здоровые, владеющие недоступными туземцам технологиями, они вмешивались в их жизнь. С самыми лучшими целями, конечно! Прогрессоры – это те, кто заставит тебя жить лучше, честнее, справедливее. Да, глядя из Советского Союза, удобнее было примерить на себя мундир прогрессора... Но вот как все изменилось: нынче опасаются иноземной науки как раз граждане Российской Федерации. Кого мы боимся? Кто ходит у нас

за спиной на мягких лапах, кто пьет нашу кровь, уж извините за выражение? Ответ входит за рамки этого предисловия. Одно могу сказать точно: ксенофобия, вошедшая в русскую фантастику, – всего лишь отражение некой паранойи нашего общества. И все же: если врач диагностировал у тебя паранойю, это еще не значит, что за тобой никто не следит... А ведь литература должна бы врачевать общественные недуги. Или – ковырять его болячки?

3

Вопросов, как всегда, больше, чем ответов. Связано это, прежде всего с тем, что представляемый роман – именно литература, а не «палп фикшн». Наша фантастика, замусорившая в свое время прилавки произведениями безудержно низкого качества, становится все более идейной, общественно востребованной. Однако этот тезис выходит за рамки предисловия. Литература живет сама по себе, а нам главное – иметь дело с ее лучшими проявлениями. Роман «Чудовищ нет», безусловно, входит в число таковых на сегодняшний день. Прежде всего, обращает на себя внимание язык – к нему Бурносов бережен без вычурности, и читать книгу просто приятно. Описывая будни Российской империи, автор избежал дилетантизма, ушел от штампов, а некоторые страницы особенно вызывают ощущение достоверности – например, сцена повешения. Надо было как следует изучить вопрос, чтобы описать казнь так обыденно. Да она и в самом деле была вполне обыденной – особо отъявленных мерзавцев наши предки предпочитали просто отправлять на виселицу, а их хватало. И мерзавцев, и виселиц я имею в виду. Славное было времечко... Теперь мерзавцев явно больше.

Вот, пожалуй, и все, чем я бы хотел предварить ваше чтение. С надеждой, само собой, что вы вспомните эти строки, когда прочтете роман и закроете книгу.

Ах да! Мы же так и не обсудили, каких именно... Боюсь, что в наличии имеются все. О чем, наверное, и роман Юрия Бурносова.

Игорь Пронин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОД 2003-й

Надеюсь, что и у Вас, и у Вашего друга, и у Вашей милой девушки также все складывается неплохо и даже где-то отлично. Я, например, и представить себе не могу, чтобы оно было как-то иначе, а?
Хольм Ван Зайчик. Дело лис-оборотней

1

Я купил в продовольственном двести граммов сыра сулугуни, сочащегося беловатой мутной сывороткой, румяный батон за пять семьдесят с хрустящей коркой и полкило сосисок со странным названием «Настоящие». Спрашивается: остальные тогда какие? Ненастоящие? Стоили сосиски недорого, дешевле были только «Студенческие», которые покупали разве что котам. Дорогих «Молочных» я покупать не стал – те же перья, крылья, ноги и хвосты, только в два раза дороже.

Так я и топал с батонem, сыром и сосисками в полиэтиленовом пакете с изображением дурацкой собачонки в бантах, когда увидел машину.

Ее бы и слепой увидел. Точнее, слепой бы, конечно, не увидел, а любой другой человек, даже с очень слабым зрением, – обязательно. Потому что машина была ярко-алого цвета. А то, что не было алым – ободки на фарах, олень на капоте, бампер, колпаки и тому подобное, – зеркально сверкало под солнцем.

Алая «двадцать первая» «Волга» стояла напротив нашего дома, у коттеджа Суриковых, который те намеренно продали. Суриков работал на таможне и, как следовало ожидать, попался на взятке. Дом был оформлен на жену, и та поспешила его продать, благо сам Суриков – мужик злобный, хитрый и волосатый, словно орангутанг, – отправился в КПЗ. В городе у него был еще один дом, куда и переместилась их семейка, а на «Волге», надо думать, приехали новые хозяева. Машина старая, таких уже сто лет не выпускают, но выглядит так, будто только что сошла с конвейера... Хотя вряд ли такие делают поточно, наверняка трудились умельцы по спецзаказу.

Пока что я увидел двоих: приземистого седоватого мужика лет сорока пяти в шортах и джинсовой рубашке и очень красивую женщину, похожую на певицу Шер. То ли грузинка, то ли гречанка...

Бабка уже отиралась возле калитки, наблюдая, как приезжие разгружают одноосный прицеп.

– Все несут и несут, – сказала она мне доверительно. – Чемоданы и узлы. Булку купил?

Бабка была великая охотница до мягких булок и прочей сдобы.

– Купил, ба. Батон.

– Нявли рожков не было?

– Не было. И сладкое тебе нельзя. Диабет.

– Дебет, дебет... – согласилась бабка со вздохом. – А что, отец собирался приходить?

А то в курятнике дверка с петли оторвалась.

– Я сам приделаю, ба.

– Ты приделаешь...

Я отнес продукты в дом, выбрал из тарелки яблоко посимпатичнее, взял книжку и вернулся во двор.

Прицеп почти разгрузили. Мебель, наверное, привезут потом, на грузовике или, может, контейнером по железке. Быстро они управились... А вот и третий сосед пожаловал. Вернее, соседка.

С суриковского крыльца спустилась девчонка. В узких голубых джинсах и простой черной футболке. На вид – моя ровесница, симпатичная. На мать похожа, только у той волосы черные, а у этой светлые, длинные, пушистые...

– Вот тебе и подружка, – сказала кровожадная бабка. У нее был конек: желание поскорее меня женить. Почему она решила, что в мои годы это уже пора сделать, я не понимал, но бабка регулярно поднимала эту тему. Школу не даст закончить.

– Тебе, ба, все подружек мне искать... Рано мне жениться! – буркнул я, сел на скамеечку, раскрыл «Рыцаря из ниоткуда» Бушкова и углубился в чтение.

– Вот заберут в Гавнистан воевать, тогда наплачешься, – заключила бабка.

Для нее любая война уже много лет была «Гавнистан», потому что бабка никак не могла понять, с кем и зачем мы можем воевать, к примеру, в Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республике. Еще бабка до сих пор была уверена в грядущей и неизбежной войне с Америкой – в доме у нее имелся сундук, где хранились спички, окаменевшая соль в пачках, рафинад, а также макароны. Макаaronный НЗ она периодически меняла – старые, в которых заводились жучки и червячки, отправлялись на корм пороссятам, а на рынке закупались новые (самые дешевые, серо-желтые, в больших бумажных пакетах).

Оторвал меня от чтения новый хозяин суриковского дома, чего я никак ожидать не мог. Он подошел к нашей ограде, положил на нее руки с короткими толстыми пальцами и спросил:

– Привет, сосед! Молоток есть?

– Чего? – Я, полностью погруженный в злключения Сварога в Хелльстаде, не сразу вернулся в реальность. – А?

– Молоток есть? – повторил он. Сквозь расстегнутый ворот его рубахи клоками торчала седая курчавая шерсть. Еще один орангутанг, подумал я машинально и поднялся.

– Конечно. Запросто. Здравствуйте.

Я вернулся с молотком – выбрал из батиного инструментария что было приличнее, на новой рукоятке – и вручил его соседу. Тот ловко подбросил молоток в руке и поинтересовался:

– Звать-то как?

– Леха. Алексей.

– А я – Стефан Антонович. Не Степан, прошу заметить, а Стефан, – наставительно сказал он, пожимая мою руку через заборчик. – Но если и Степаном назовешь, тоже не обижусь. Заходи в гости, как обустроимся.

– Спасибо. Чего ж не зайти.

Черта с два я собирался к ним заходить, конечно. Мужик он вроде ничего, но в друзья набиваться не желаю. Хотя девчонка, конечно, классная. Интересно, где она учиться будет? Да и молоток... Что он, переезжал в новый дом и молотка не купил? С собой не привез? Тут бабка подкралась ко мне сзади и нудно забормотала:

– А курятник недоделанный. Недоделанный. Курей всех не словишь потом, пойдут в огороды, шло кобель чей унесет... Помидоры поклевывают, ругань поидеть...

– Ба, ну сейчас я.

Я со вздохом отложил Бушкова и пошел ремонтировать дверь. Куры, которые, по идее, должны быть благодарны мне за благоустройство жилья, дико шумели и пытались по оче-

реди пробраться в щель, а петух Борька норовил меня клюнуть. Зараза. Не любил я его никогда, решит бабка зарезать, самолично башку отсеку.

Провозившись с полчаса, я гордо заманил бабку в курятник и показал свое творчество. Она критически подергала дверь, сморщила и без того морщинистое личико и сказала тоном миллионера, которому предложили за неимением другого транспорта проезжего частного на «четыреста двенадцатом» «Москвиче», а он опаздывает на аудиенцию к президенту, и отказываться смерти подобно.

– Сойдешь...

В бабкиных устах это равноценно вручению почетной грамоты, так что я спокойно мог возвращаться к чтению. Соседи тем временем разгрузились, загнали машину во двор, и теперь Стефан Антонович ковырялся с воротными петлями. Что-то у него там соскочило.

– Леш! – позвал он, заметив меня. – Помоги малость!

Я перешел дорогу. Он утер со лба капельки пота и кивнул на ворота:

– Подержи воротину на весу пару секунд, а я вот эту штуку всуну.

Я ухватил воротину за поперечный брус и, крикнув, оторвал ее от земли. Сволочь Суриков, свинцом он их внутри залил, что ли?

– Все, – скомандовал Стефан.

Блин. Богатырь...

– Тяжело? – участливо спросил он, глядя, как я отдуваюсь и потираю руки.

– Не рассчитал, – сознался я.

– Бывает. Спасибо. Может, пивка?

– Можно, – согласился я, зная, что батя сегодня не нагрянет, а бабка не учует. Мы поднялись на крылечко, он указал на лавочку и скрылся в доме.

Я посмотрел на коврик у входной двери – там стояли большие кроссовки «Пума», которые только что снял Стефан, легкие лодочки (мамашины, должно быть) и дешевые китайские черные кеды с резиновыми шипами, которые быстро стираются об асфальт, и с изображением футбольных мячиков. Это, наверное, ее. Девчонкины то есть. А лапа немаленькая, размер тридцать восьмой!

Стефан вышел, неся две пол-литровых сине-белых банки «Эфеса». Банки были ледяные, хотя они совсем недавно приехали. В машине у них, что ли, холодильник? Клево!

Я изящно – мне так показалось – откупорил пиво и сделал первый глоток. А денег у них хватает, пиво вон какое пьют...

– Ты, Алексей, в какую школу ходишь?

– В шестую, – сказал я. – А что?

– Нам Ларису надо устраивать куда-то... Хорошая школа?

– Хорошая. – Я отпил еще пива. – Только далеко.

– Это ничего. Я ее буду на машине возить, – улыбнулся он. – Или вместе на троллейбусе станете ездить – у вас же тут троллейбусы ходят, я провода видел. А ты здесь с бабушкой живешь?

– Это летом. Я вообще на Кирова живу, это почти в самом центре. А вы откуда приехали?

– Из Киева, – сказал он, и я почему-то понял, что он врет. Когда взрослые врут – если это, конечно, не политики и не по телевизору, – это сразу заметно. Хотя у политиков тоже заметно, тем более они всегда врут, чего уж там замечать.

Уверен, если я спрошу, на какой он улице в Киеве жил или где работал, он мне много и интересно про это расскажет, и все, конечно же, наврет. А поди проверь... А раз так, я не стал спрашивать дальше, направив разговор в другую сторону:

– А Лариса в какой класс пойдет?

– А ты в какой?

– В одиннадцатый.

– И она в одиннадцатый.

Почему-то мне показалось, что это снова ложь. Скажи я – «в десятый», и он бы сказал, наверное, то же самое. Странная семейка. Шпионы, что ли? С поддельными документами, купили дом и будут воровать секреты. Хотя секретов у нас вроде и нету. Не с консервного же завода их воровать, не с «холодильника» и не с обувной фабрики...

Какой-то я чрезмерно подозрительный стал. Человек меня пивом отменным угостил, а я козни строю... Я иногда баловался с пацанами пивком, когда батя не просекал, но все разливные «Балтики» и тем более повсеместно продаваемые у нас белорусские сорта в подметки «Эфесу» не годились.

Стефан тем временем продолжал расспрашивать:

– А что тут поблизости у вас есть? Мы только дом осматривали, когда покупать собрались, а на окрестности времени не хватило.

– Ну... – Я задумался. – Вот если прямо по улице пойти, будет продуктовый магазин. Хороший, только молоко там прокисшее в пакетах все время продают, не покупайте. И рыба мороженная бывает несвежая. Чуть подальше – овощной, там же остановка троллейбуса номер семь, идет на автобусный вокзал и к рынку. Но у вас-то машина, вам без разницы... Если по Кутузова идти, будет частный сектор и конец города, дальше поле кукурузное и лес. В эту сторону – микрорайон и кинотеатр «Победа», чуть подальше. Больше вроде ничего интересного... Ах да. Церковь Воздвижения, семнадцатый век. Она была бы видна, если бы не деревья вон там. Ее реставрируют сейчас.

– Интересно, очень интересно. Спасибо. А... кладбище? Где тут у вас оно?

– Кладбище? Да по третьему маршруту если ехать, предпоследняя остановка. А другое далеко очень, в другом конце города. А что?

Стефан улыбнулся:

– Нет, ничего. Хобби у меня такое: могильные памятники. Город ваш старый, кладбище, наверное, тоже старое... Я их фотографирую, иные зарисовываю.

– Старое, – подтвердил я, допив пиво. – Есть мраморные, черные такие, под ними купцы похоронены, чиновники... Эпитафии интересные. «Остановись, прохожий, не обижай мой прах и помни: я дома, а ты в гостях».

– Замечательно, – сказал он. – Ну, спасибо тебе еще раз.

– Да не за что. Вы, если что, обращайтесь. У меня там инструмент есть кое-какой, шурупы всякие, гвозди... Дрель электрическая, станочек даже маленький токарный, только я на нем работать не умею.

Наверное, пиво повлияло, что-то я очень добрый стал. Но дядька вроде ничего, только про Киев соврал. С другой стороны, мало ли что у него там случилось. Может, дом сгорел. Или рэкетеры какие-нибудь замучили. Или просто жизнь бедная... Тогда с чего он «Эфес» хлещет? Для понтов? Хотя не такой и дорогой этот «Эфес».

Я попытался вернуться к похождениям Сварога, но никак не мог включиться в повествование и поймал себя на том, что постоянно таращусь на соседний дом в ожидании появления девчонки. Этого мне еще не хватало. Тем более у меня и девушка есть, Танька...

Но соседка, конечно, классная. Симпатичная в смысле. Так-то, может, дура дурой, типа Эльки из «Б»– класса...

2

Пора, наверное, сказать несколько слов о себе.

Зовут меня, как вы уже поняли, Леха. Фамилия моя простая, кинематографическая – Рязанов. В родстве с прославленным режиссером, который, правда, снимает сейчас всякую дрянь, не состою, но приятно. Болею, кстати, за московский «Локомотив», в просторечии «Паровоз». У нас это непопулярно: в школе все болеют либо за «свиней», то бишь «Спартак», либо за «коней», то бишь ЦСКА, и все вместе болеют за местный «Цементник», который никак не вылезет из второго дивизиона. Но что это я на футбол отвлекся...

Так вот, учусь я в школе номер шесть, живу на Кирова, хотя и это вам уже известно. Дом наш новый и здоровенный, на первом этаже магазин радиотоваров и продуктовый с видеопрокатом, но летом я обитаю преимущественно здесь, у бабки: помогаю по хозяйству и отдыхаю.

Друзей у меня хватает, подруг вроде тоже... Про свою девушку я уже сказал, хотя это громко сказано, что девушка, – так, гуляем иногда вместе. А соседка...

Тут она как раз вышла на улицу и направилась ко мне. Что-то они зачастили, еще приехать не успели, а все «ходят и ходят», как сказала бы бабка.

– Привет! – сказала она улыбаясь.

При ближайшем рассмотрении она оказалась еще симпатичнее. В левом ухе блестела золотая сережка-гвоздик в виде маленького черепа. Вот тебе раз! Панкует, что ли?

У нас в городе панков хватает: ходят в рванине, в джинсах, обрисованных шариковыми ручками, на головах гребешки. Правда, гребешки хитрые: пока ходишь как крутой – мылом его или сахарным сиропом, а чуть в школу или там в опасное место, где навешать могут, водичкой смыл – и выходит почти приличная челочка. Таких, что «по жизни» панки, мало. Раньше их били, сейчас никто не трогает, но старые – много кто побросал панковать, а новые – чаще всего дети лет по четырнадцать максимум.

– Привет, – сказал я, откладывая книгу.

– Бушков, – констатировала она. – Люблю Бушкова. Читал «Пиранию»?

– Читал.

– Здорово. Меня Лариса зовут. Можно просто Лора.

– Знаю. Папундель твой сказал.

– Кто? А... Папа?

– Он. А меня зовут Леша, Алексей. Можно Леха.

– А можно, я буду тебя звать Алекс?

– Зови. – Я пожал плечами. А что, красиво. Пусть зовет. – Ты заходи, чего мы через забор хрюкаем...

Она хихикнула и перепрыгнула через штакетник. Только что стояла по ту сторону, и вот она уже здесь, причем сделала это без видимого напряжения, будто перешагнула. А штакетник, между прочим, метр с хвостиком.

– Ого! – сказал я.

– Я легкой атлетикой занималась, – почему-то смущенно сказала она, присаживаясь на лавочку. – Три года.

– А я ничем не занимался. У нас секция баскетбола была, но я ростом не вышел... Да и не люблю его. Я бы в большой теннис играл, но в городе только один корт, на стадионе, там вечно местные крутые тусуются. На бетоне. Полтинник час.

– Ну, о чем будем... хрюкать? Что тут у вас интересного есть? – спросила она, перебирая пальцами лепестки на бабкиных ромашках, посеянных под заборчиком.

– Да ничего... – А и правда, что у нас тут интересного? Два кинотеатра, куда почти никто не ходит, ночной клуб с ломовыми ценами... – Скучно у нас, если честно.

– Ну, это можно пережить! – Она ничуть не опечалилась. – Зато город красивый.

– А вы где раньше жили? – закинул я удочку.

– Далеко. В Киеве.

– Тоже красивый город, только я там не был. А к нам надолго?

– Дом купили, значит, надолго, – сказала она, глядя в землю. Черепушка в ухе ослепительно блестела на солнце.

– А черепок зачем? – спросил я.

– Красиво. Разве нет?

– Красиво... Но в школе подумают, что ты панкушка.

– А я панк-рок и правда люблю.

Номер. Девчонка любит панк-рок. Ладно бы «Нирвану» какую, таких куриц у нас хватает, особенно мелких: напялят футболки «Кто убил Курта Кобейна?»... А никто его не убил, сам нажрался и застрелился.

– Я, в принципе, тоже... Хотя я все помаленьку слушаю. Погоди, а твой отец сказал, что ты в нашу школу будешь ходить, в шестую.

– Да мне-то все равно. В шестую так в шестую. Но, конечно, если ты там учишься, это хорошо. Веселее будет.

– Ну, до школы еще дожить надо, – философски сказал я.

Лето было в самом разгаре, и о занятиях думать совершенно не хотелось. Особенно о том, что мне осталось учиться всего год, а там уже пора озаботиться, как бы в институт поступить и от армии откосить...

О будущем я размышлять не любил и потому резко сменил ход мыслей, спросив Ларису:

– Лор, а твой отец кто по профессии?

– Историк. И мама тоже. Они ученые, пишут книги.

Так я и думал. Загадочная с виду семейка оказалась просто парочкой слишком умных людей. Трактаты пишут. Чего им в Киеве делать, в самом деле.

– А ты с бабушкой живешь? Я видела, старенькая такая...

– У бабушки я живу временно, летом, – объяснил я. – Надежда и опора. А вообще живу в центре.

– Покажешь мне город?

– Покажу.

– Только вечером, а то мне еще вещи разбирать нужно. Я зайду, ладно?

– Договорились.

– Я ожидал, что она снова выкинет свой трюк с перепрыгиванием заборчика, но Лариса вышла через калитку, аккуратно прикрыв ее за собой.

Нехорошо смотреть человеку в спину, но я проводил ее взглядом до самого крыльца. Нормально. Сегодня вечером все знакомые будут валяться. Что за девчонка, откуда такая? Наши доморощенные красавицы просто отдыхают. Удавятся небось... Черт с ней, с Танькой, когда такая девчонка живет по соседству и просит город показать.

Вы бы на моем месте как поступили?

То-то же!

Наблюдавшая мою тщательную подготовку к демонстрации города бабка пришла в восторг.

– Куды собрался-то? – спросила она в трепетном ожидании, приглушив звук дневного повтора очередного сериала.

– Погулять, ба.

– Я сунул намыленную голову под кран. Чертов «Хэд энд Шоулдерс», щиплет-то как! Паленый, что ли?!

– Моисея... Бреисся... – бормотала бабка. – С девкой соседской небось?

– Угу.

Чего скрывать, все равно ведь подсмострит старая.

– И правильно. И так и надо. Подружка тебе...

– Ба, уймись! – взвыл я.

Бабка сунула мне пахнущее лавандой махровое полотенце и спросила:

– Погладить, может, чего надо?

– Футболку, – кивнул я. Бабка, как ни крути, гладила лучше меня. Опыт...

Короче, когда Лариса позвонила в дверь, я был при полном параде: в белой футболке, черных джинсах и своих любимых армейских ботинках. Бабка уговаривала меня надеть «тухли», но я не поддался на эту провокацию. Лариска пришла в том, во что была одета днем. Судя по всему, особенным украшательством она не занималась и даже, по-моему, не красилась. Хотя ей это и не нужно.

– Здравствуйте, бабушка! – приветливо сказала она бабке, делавшей вид, что она уже посмотрела сериал и теперь изучает газету «Известия» (без очков бабка ни черта не видела, да и читать могла не слишком-то бойко, но Лариска про то не знала).

– И здравствуй, милая, – с готовностью отозвалась бабка.

– Пойдем, – буркнул я, зная, что от бабки можно всего ожидать, язык что помело.

– Мы вышли с нашего двора и двинули в направлении троллейбусной остановки.

– Тебе чего показывать-то?

– Все интересное, – сказала она, мотнув головой и отбросив длинные пряди с лица.

– Отец твой про кладбище спрашивал... Показать?

Она несколько помрачнела.

– Нет, кладбище как раз не нужно. Не люблю кладбища... Мороженое давай поедем, сока попьем какого-нибудь...

Я прикинул свою платежеспособность. Рублей сорок в кармане джинсов лежало, плюс мелочью около червонца.

Можно. Гулянка, блин!

– Давай, – согласился я.

На остановке скучали две старухи с семечками и спал на скамье, тревожно вскрикивая, пьяный. Троллейбус пришел неожиданно быстро: нам повезло, потому что к вечеру интервал увеличивается до двадцати минут. Мы погрузились в практически пустой салон, купили у унылой кондукторши талоны и поехали в центр.

– Садись, – сказала Лариса, хлопая ладонью по порезанному дерматиновому сиденью рядом с собой.

Я покачал головой:

– Не люблю сидеть в троллейбусе.

– Тогда и я не буду.

Она встала и повисла рядом со мной на поручне. Мне было как раз по росту, а Лорка именно висела. Кондукторша посмотрела на нас как на идиотов – троллейбус-то пустой – и отвернулась.

Мы висели, качаясь на выбоинах и поворотах, и делали вид, что смотрим в окна, а на самом деле украдкой разглядывали друг друга. Я все больше убеждался в том, что Лариса очень красивая и, я бы сказал, сексуальная (дурацкое слово, но что еще можно сказать о девчонке с ногами от ушей, посмотрел бы я на вас). О последнем я старался не особенно думать (как бы чего не вышло), но думалось, и все тут.

Что думала обо мне Лариса, я не знаю. Но, наверное, ничего плохого, раз сама попросила меня показать ей город. Или...

– Ты, наверное, волнуешься: нравишься ты мне или нет, – спросила она с хитрой улыбкой.

Я промямлил что-то неопределенное.

– Я же вижу. Нравишься, конечно. Хорошо, что я сразу, по соседству, нашла друга.

Вот те на! Заявленьице! Как-то это не очень красиво, когда девушка сама затевает подобный разговор и признается... э-э... не в любви, нет, но...

Теперь, наверное, мне надо сказать что-нибудь в ответ. Или не говорить? Как-то очень уж быстро все получается, так не бывает!

Меня спас троллейбус. Он остановился, и я заорал:

– Выходим! Чуть не проспали!

В парке, в кафе «Ариэль», мы купили мороженое в вазочках и сок. Вернее, сок и мороженое я купил Ларисе, а себе, как и положено солидному человеку, взял бутылку пива «Сокол» и пакетик чипсов.

– Любишь пиво? – спросила она.

– Люблю.

– А я нет.

Она ковыряла мороженое пластмассовой ложечкой и делала это очень красиво. Никогда бы не подумал, что можно красиво есть обычное сливочное мороженое.

Про Киев ее спросить, что ли?

– Леша, а ты чем вообще занимаешься?

– Я же Алекс, – улыбнулся я.

– Леша тоже хорошо. Так чем?

– Да ничем. На гитаре бренчу, книжки читаю. В футбол бегаю иногда, если соберемся с пацанами. Я ж говорю, большой теннис люблю, но у нас это дохлый номер.

– А здесь есть тир? – спросила она.

– Тир? Есть. Пострелять хочешь?

– Да. Сейчас мороженое доем...

Она доела свое за три сорок, и мы пошли стрелять. Я все смотрел по сторонам – нет ли кого знакомого? Но, как назло, никого, достойного внимания, не попалось, только отличник из параллельного Мирон, личность малоуважаемая и невлиятельная, да Саня Пуля, двигавшийся откуда-то на полном автопилоте. Пуля учился со мной, но в школе появлялся редко; ходили слухи, что дальше учиться он не собирается и будет работать у дядьки в авторемонтной мастерской. Там небось и нажрался...

Тир располагался в старом автобусе, снятом с колес и установленном на окраине парка. Дедушка-тирщик смотрел ток-шоу по маленькому черно-белому телевизору и неохотно оторвался от него, чтобы выдать нам винтовки и пульки.

– По мишеням? – спросил я.

– Я люблю по мишеням, а ты можешь по зверюшкам, – улыбнулась она и бойко положила все пять пулек в десятку. Я в это время успел только два раза промазать по резиновому зайцу и мазнуть по рылу резинового же крокодила, отчего он вяло закачался на пружинке.

– Ого! – сказал я.

– Ого! – сказал и дедушка-тирщик, неожиданно отвлекшийся от телевизора. – Разрядница?

– Кэмээс, – сказала она, кладя пневматичку. – Папа говорит, что взрослый человек должен уметь хорошо стрелять.

– Правильный папа, – кивнул дедушка. – Уважаю. Еще?

– Хватит, – сказала она. – Спасибо.

– Чего-то она взгрустнула после тира...

– Случилось что-то, Лор? – спросил я.

– Да нет, все нормально. Куда-нибудь еще пойдем?

– Как скажешь.

– А пошли домой пешком. Прогуляемся, поболтаем... По дороге мы поболтали о футболе (она немного разбиралась, но тут я уж не стал удивляться – привык, наверное, что она не совсем обычная девчонка), о рыбалке, об архитектуре города, о школах и учителях, о Бушкове, которого она любила (кроме последних книг), и Лукьяненко, которого она тоже любила (и тоже кроме последних книг), о фильмах...

– Любишь ужастики? – спросил я.

– Люблю. Но хорошие.

– Типа?

– Типа «Ночь живых мертвецов» Ромеро. Видел?

– «Возвращение»?

– Нет, именно «Ночь...», «Возвращение» – это другое совсем.

– Не-а... Ромеро... погоди, это он придумал игру Doom?

– Он. Только значительно позже. Кстати, у меня компьютер есть, приходи, если хочешь, рубанешься.

– В Doom?

– Нет, его у меня нет. В Kingpin или «Горький-17» играл?

– Нет.

– Тебе понравится. А из фильмов я люблю про такое, чего на самом деле не бывает. Про восставших мертвецов, про чудовищ из космоса...

– А про вампиров или оборотней?

– Не люблю, – сказала она серьезно. – Я думаю, это глупые фильмы, потому что их создатели не знают материала. У папы большая библиотека, в том числе и по вампиризму много книг, по ликантропии...

– По чему? – переспросил я.

– По ликантропии. Ну, оборотни твои. Я думаю, это очень серьезный вопрос, а такие фильмы из него развлекаловку делают.

Мы миновали колонку с длинной очередью за водой. Опять ремонт на водозаборе? А я воды про запас не натаскал, бабка обомрет теперь...

– Так ты в них веришь, что ли?

– Ну как тебе сказать? И не то чтобы верю, но и... Ой, а это кто?

Восклицание относилось к местному дурачку по кличке Смех. Смех гордо шествовал по самому центру проезжей части и вез тележку с тряпьем, часто моргая маленькими глазками.

– Это Смех, – сказал я. – Дурачок.

– Живет тут?

Она не испугалась, но насторожилась. С чего бы? Смеха бояться не надо, он добрый. Его и не обижает здесь никто... Живет он с матерью, та нормальная, но нелюдимая. А самому Смеху лет уже сорок, наверное, но он выглядит куда моложе – все они выглядят моложе, дурачки. Только живут мало. Смех по их меркам долгожитель.

– Ты его не бойся, – покровительственно сказал я. – Он смирный. Разве что может подойти и песенку спеть, так ты его не обижай, послушай. Можешь рубль дать или пятьдесят копеек, он обрадуется.

– Ладно, – пообещала Лорка. – Как-нибудь в другой раз. А мы что, уже пришли?

– Как ты догадалась?

– А вон церковь видна. Только мы с другой стороны подошли, да?

Да, мы и в самом деле пришли, и в самом деле подошли с другой стороны, через переулок. Ее папа возился с машиной и приветственно помахал рукой. Я кивнул в ответ.

Бабка уже торчала за забором и, увидев нас, тут же сварливо объявила:

– А по радиву сказали, воды не будет. А ты не наносил.

– Сейчас сбегаю, – сказал я.

– Уже нетути. Выключили. Будешь немытый и непивши.

– Не помру, – сказал я.

– Ну, я побежала, – сказала Лорка. – Пока!

3

Первого сентября я в школу не пошел принципиально – не люблю эту праздничную суету, когда туда-сюда гоняют несчастных первоклашек с букетами цветов, а директор говорит в хриплый микрофон всякую благодетельную чушь. «Дорогие ребята! Снова откроет школа свои приветливые двери, снова войдете вы в светлые классы!» Глаза б мои не глядели.

Дома, понятно, я ничего не сказал, собрался честь по чести и пошел к Стасику, который разделял мои чувства относительно Дня знаний. У нас с ним была традиция – задвигать первое сентября, и в школе даже не ругались: привыкли.

Стасик был счастливый человек – он жил один-одинешенек. Дед его помер лет пять назад и оставил однокомнатную квартиру, где Стасик и обитал. Родители его, художники, как люди прогрессивные, считали, что Стасик должен учиться жить самостоятельно, то-то ему повезло... Батон и мотыга у него уникальные, уж точно.

Батон, то есть отец Стасика, был симпатичный толстун с выющимися длинными волосами пшеничного цвета, который знал творчество «Битлз» как свои пять пальцев. Вернее, творчество «Битлз» он знал несколько иначе, потому что пальцев у него на левой руке было шесть. Родился такой. Мутант.

Мотыга, то бишь мать, напротив, весила килограммов сорок пять и слушала исключительно хард-рок семидесятых. Семейка была еще та. На прошлое день рождение батон подарил Стасику корейский «Фендер», чтобы Стасик учился музыке. И «Фендер», и комбик-усилитель «Форманта» пылились в чулане – слуха у Стасика не было от рождения, зато он неплохо играл в пинг-понг и даже выиграл один раз чемпионат города. Но это неудивительно: просто остальные городские настольные теннисисты играли еще хуже, никто пинг-понгом всерьез не занимался.

– Чаю хочешь? – спросил Стасик, который как раз чаевничал: варенье по столу расставил, баранки, масло сливочное.

– Нет.

– А где твоя пассия?

– За те дни, что оставались до первого сентября, он пару раз мимоходом видел меня с Лоркой, которую я охотно водил по городу, но познакомиться я их не успел. Прогулок таких было четыре, в остальное время она сидела дома и не знаю, чем занималась. Пару раз я заходил к ней и играл в «Кингпин», но меня быстро убивали. Никакого особенного развития наши отношения не получили. По крайней мере, я ничего такого не замечал. Зато слухов породили массу, и я с беспокойством ожидал Танькиной реакции. Летом она была у родичей в Архангельской области, но уже, по идее, приехала, в школу все же пора.

– Прямо уж и пассия... В школу, наверное, пошла, – сказал я. – Я ее позавчера видел, ничего не сказала.

– А красивая. Наши жабы поудавятся, – сказал Стасик, который в душе был женоненавистником. Хотя в нашем классе легко стать женоненавистником – сплошные дуры и кошелки.

Я сунул надраенные туфли на полочку, и тут в дверь позвонили. Женоненавистник Стасик намазывал булку вареньем поверх слоя масла, но бросил приготовления, протиснулся мимо меня и, глянув в глазок, присвистнул.

– Черепа прибыли?! – спросил я.

– Не. Круче.

Он открыл дверь, и в прихожую вошла Лорка. В парадной школьной форме, то есть в кружевном белоснежном фартучке, с бантами... Е-мое, я такого уже года три не видел.

Наши швабры ходят черт знает в чем, по килограмму штукатурки на роже, а тут прямо фильм «Первоклассница». А черепок-то сняла?! Сняла... Во был бы номер, если бы забыла.

– Привет! – сказала Лорка, нисколько не смущаясь. – А я за тобой шпионила.

– В смысле?

– Увидела, как ты уходишь, и следом пошла. Думала, ты в школу, а ты вовсе сюда. Ой, привет!

Это уже Стасику. Тот критически посмотрел на свои драные спортивные штаны и, кхекнув, выдавил:

– Добро пожаловать. Чайку?

– Нет, спасибо... Ничего, что я зашла? Я долго думала, звонить или нет, хотела уже в школу пойти, а потом решила, что одна не хочу. А что тут у вас?

Боже, она еще и с букетом. Штук пятнадцать алых роз, за спиной прятала.

– Цветы в вазу, – сказал Стасик, скрываясь на кухне. – Завянут.

– Познакомь нас, – попросила Лорка, проходя в комнату.

– Это Стасик, – кивнул я в сторону кухни. – Стасик, это Лариса!

– Очень приятно! – рявкнул он и появился с большой хрустальной вазой, наполненной водой. – Ваза, конечно, уродская, но пока постоят.

– Уродская, – согласилась Лариска, аккуратно вставляя в нее букет. – Ой, что же я с ним теперь делать-то буду?

– Подаришь кому-нибудь.

– Я классной руководительнице хотела подарить.

– Марише? Да ее б удар хватил, – захихикал Стасик. – Не приучена она у нас к цветам. Не заработала.

– Что, противная?

– Хуже. Дура, к тому же злобная. Сущий ваххабит.

– Подтверждаю, – сказал я, поймав вопросительный Лоркин взгляд.

– Тогда хорошо, что не подарила. Ой, а это чьи картины?

Картины, конечно же, были Стасиковых черепов, о чем он тут же сообщил. Они и в самом деле ничего рисуют – особенно мне нравилась вот эта, с горным пейзажем. Стасик говорил, их картины есть в частных коллекциях в Штатах, Швейцарии, Гонконге и еще где-то.

– Здорово, – сказала Лорка. – А почему так мало?

– Что-то у них дома, что-то в мастерской... Вот еще, батон нарисовал. – Стасик выволок из-за шкафа большой холст на раме.

– Ничего себе, – сказал я.

На холсте был изображен призрачный силуэт над какими-то кустиками, терявшимися в тумане. На заднем плане угадывались надгробия, в черном небе тускло мерцали звезды. Вроде ничего особенного, но нарисовано было мастерски, жутко.

– Страшилок начитался?

– Батон-то? Обычно такого не рисовал. У нас гараж прямо возле кладбища, он там завозился с двигателем и уже за полночь домой топал, вот и причудилось ему... Два дня рисовал, а потом за шкаф закинул. Халтура, говорит. Только возле рынка продавать.

– Не скажи, – заметил я. – Я бы на стенку повесил.

– Я с батонотом потрещу, может, он подарит. Ему все равно без надобности, – великодушно сказал Стасик.

Я повернулся к Лорке, чтобы спросить ее мнение о картине, и замер. Она смотрела на холст, с омерзением скривив губы.

– Что, не нравится? – поинтересовался Стасик.

– Нет, – сказала она, мотнув головой. – Убери, пожалуйста.

Он не стал ничего уточнять и вернул холст на прежнее место, за шкаф. Лорка села на стул.

– Чего? Плохо, что ли? – встревоженно спросил Стасик.

– Да нет, нормально.

– Говори. Рожа у тебя... – Он запнулся: слово «рожа», конечно, к Лорке никак не подходило.

– Неприятная картина, – сказала Лорка. – Но написано талантливо.

– Угу, – неопределенно буркнул Стасик.

– Послушайте, а мы можем туда сходить? – спросила она.

– На кладбище? – уставился на нее я. – Ради бога. А что там делать?

– Ну... Интересно. Каждое кладбище – это история города.

– Да хоть сейчас.

– Без вопросов, – сказал Стасик. – Раз уж мы задвинули школу... На кладбище ветер свищет, завиваясь над крестом, на могилке... э-э... – Он осекся, потому что дальше было не шибко прилично.

Лорка хихикнула.

– Знаю я, знаю, – сказала она. – Тара-рам тара-ра-рам, тут могила растворилась, вышел из нее мертвец: «Что ты делаешь, негодный?»

– Тара-рам меня, подлец, – закончил я. – Какие мы образованные и утонченные молодые люди. Аж противно.

– А что? Детский стишок, – пожал плечами Стасик. – Так что, валим на кладбище? Только я бутер свой дожру, делал ведь, старался. Ну и розы – я себе оставлю, да? Красивые...

– На кладбище мы пошли пешком – чтобы убить время. По дороге Стасик пространно рассуждал о мертвецах.

– Вот смотри, Лех, – приставал он, – положили мертвеца в гробик, гвоздями забили, зарыли. Лежит он там, и что с ним происходит?

– Разлагается, – рассеянно буркнул я, пиная пустую банку из-под «Доктора Пеппера». – Что ему еще делать?

– А почему?

– В смысле? Почему разлагается? Потому что из мяса. Хочешь, проведи эксперимент – кошку дохлую, или крысу, или просто вырезки грамм триста в ящичек положи, и закопай и проверяй ежедневно.

– Лениво, – сказал Стасик. – Ну... А вот бывает, что живого закопают. Он заснул там или заболел чем, а потом проснулся, глядь – а сам в гробу. Ковырь, ковырь крышку-то, а она не поднимается. Страшно, наверное...

– Страшно, – согласился я.

– Гоголя, говорят, так закопали. Я где-то читал. Откопали потом, смотрят, а он уже почти гроб изнутри прогрыз, но все же помер по-настоящему, не успел вылезти.

– А чего они его откапывали? – удивился я.

– Не помню... Письмо он, что ли, оставил. Если, мол, ласты склею, вы потом посмотрите, правильно я склеил или неправильно. А они опоздали. Вроде так я читал.

– А кладбище у вас старинное? – спросила Лорка, слушавшая нашу дискуссию без особого интереса.

– Лет сто, – сказал Стасик с видом знатока, хотя ничего про кладбище знать не мог – они сюда приехали из Челябинска не так уж и давно, когда дед помер.

– А я вот точно знал, что кладбищу под две сотни; раньше там была церковь, но при большевиках ее сломали и построили из кирпича кинотеатр...

– Сто пятьдесят, – сказал я веско.

Стасик не стал спорить, а Лорка удивилась:

– Так много?!

– У нас еще еврейское есть, его еще до войны забросили, – сказал я, – но там и не кладбище уже, а так, заросли... Ямки всякие, кусты, деревья. Даже памятника порядочного не осталось. Там кто-то копается, золото, наверное, ищут. Евреев, говорят, когда хоронили, всегда золото в могилу клали, хоть чуть-чуть. А кто богатый – тем много.

– А это уже оно, кладбище ваше?

Да, это уже было оно. Толстая краснокирпичная ограда с крестообразными сквозными отверстиями, местами вместо старого кирпича – новый, обычный силикатный. Над оградой нависали липы, на которых вполголоса каркали вороны.

– Осторожно, тут никогда не прекращается бомбежка, – предостерег Стасик.

– Мой отец еще при советской власти на субботник сюда ходил, – сказал я, – так они затеяли гнезда вороны разорить, чтоб не пакостили. Пригнали машину, ну, которая фонари ремонтирует, мужик поднялся в этой штуке к гнездам и давай ломать. Черта с два сломали – они аж проволокой алюминиевой поприкручены. Парочку оторвали, плюнули и уехали.

– Умные вороны, – пробормотала Лорка.

Мы как раз подошли к входу. Возле него стояла небольшая старушка с букетиками каких-то беленьких цветочков.

– Могилку проведать? – спросила она, щурясь и улыбаясь.

– Нет, бабушка, так, посмотреть, – сказала Лорка.

Бабка внимательно поглядела на нее, улыбка сползла с ее симпатичного личика.

– А понапрасну шляться – на то стадионы есть. И кино с танцами.

– Да мы ничего, – встрял Стасик. – Мы историки.

– А историкам в музей надо иттить, – сказала бабка злобно и мелко перекрестилась. – Альбо в планетарий.

Бочком пробравшись мимо бабки, мы прошли внутрь и остановились на развилке, от которой расходились посыпанные светлым речным песком тропинки.

– Чего эта Тортилла окрысилась? – спросил Стасик в недоумении.

– Цветов не купили...

– А по-моему, мы ей не понравились, – сказал Стасик.

Лорка пожала плечами:

– Я на стареньких людей никогда не обижаюсь. Им все нужно прощать.

– Этак на голову сядут... – проворчал Стасик. – Дорогие мои старики, дайте я вас сейчас расцелую... во все доступные места... Куда идем-то?

– А все равно.

– Тогда пойдем ангела посмотрим. Видала ангела?

Ангелом именовался надгробный памятник какому-то купцу или чиновнику в самой глубине кладбища, в старинной его части. Надпись не то скололи, не то сама затерлась с годами, осталась лишь одна дата – «1838». Сама фигура ангела пострадала не меньше надписи – крылья были оббиты, равно как и голова. И все равно памятник выглядел величественно, возвышаясь над ржавыми коваными крестами.

– А вот тоже красивый, – кивнул Стасик на монолит черного камня.

Там, насколько я помнил, было написано что-то в стихах про усопшего младенца, который теперь играет в раю с ангелочками, но Лорку памятники и эпитафии не интересовали. Она обеспокоенно оглядывалась по сторонам, поэтому я спросил:

– Случилось что?

– Н-нет... ничего...

Но что-то случилось, и я это видел. Не так уж плохо я узнал Лорку за время знакомства.

– Щас зомби вылезет, – прикололся Стасик. – И начнет нас грызть. «Возвращение живых мертвецов», помнишь, там панки на кладбище пришли?

- Пошел ты!... – махнул я на него рукой. – Малдер.
- Сам ты Малдер!
- Тихо, – попросила Лорка. – Тихо, ребята.

Мы замолчали и прислушались. На кладбище царила привычная покойная тишина, нарушаемая только ворчанием ворон высоко над головами и неожиданно далеким шумом городских улиц. Я внезапно подумал о том, что подо мной, метрах в двух или в полутора, лежит мертвое тело... И не одно – десятки, сотни, совсем рядом... Истлевшие одежды, голые кости... Или не голые? Или они только и ждут, чтобы вот так любопытные люди пришли к ним на могилы, и тянутся, тянутся к нам сквозь пронизанную травяными корнями землю...

Чтобы укусить. **Съесть.**

ТЬфу ты, пакость! И Стасик сволочь, напомнил же.

- Я ничего не слышу, – сказал Стасик.
- А ты ничего и не должен слышать, – сказала Лорка.
- Тогда чего говоришь: «Тише, тише!»?
- Я тишину и слушала, – сказала Лорка.
- Стасик не нашелся что сказать и притих.

Мы еще немного побродили по дорожкам. Старая часть кладбища уверенно зарастала высокой травой, крапивой и какими-то розовыми цветочками. Братская могила, где были похоронены погибшие при освобождении города от немцев солдаты, практически скрылась в зарослях, только край большой облупившейся звезды торчал сверху.

– А на северной стороне авторитетов хоронят. Быков всяких, – поделился Стасик информацией. – Памятники из мрамора, статуи... Цветы...

– Это ж не солдаты, – хмуро сказал я. – У них небось денег вагон.

– Ну уж траву могли бы скосить.

– Вот и займись. Скоси. А то ныть все мастера. Или директору кладбища напиши. «Посетив вверенное вам кладбище, остался весьма недоволен»... Ну и так далее. «Прошу принять меры. С приветом, Стасик».

- А я что... Я ничего.
- А где ваш гараж? – спросила Лорка.
- Щас покажу, – буркнул Стасик.

4

С кладбища мы вышли подавленные. В голове у меня вертелась дурацкая «юдоля скорби» – где ж я такое вычитал, а? Бабка с цветами исчезла, зато появился мужик с лопатой. Сидя у стены, он курил папироску, лопата лежала на траве, возле босых ног с огромными черными ногтями. Мужик был голый по пояс, и на его бледной безволосой коже синели уродливые зоновские татуировки – церковь, игральные карты, окровавленный кинжал. Могильщик, что ли?

На нас он не обратил никакого внимания, так и сидел, грелся на солнышке. Рядом с мужиком на расстеленной газетке лежали банка рыбных тефтелей (по восемь двадцать, я такие сам люблю), кусок булки, складной ножик и нераскупоренная четвертинка водки «Исток».

– Вот такой даст лопатой по башке, и – в могилку, – заметил Стасик, когда мы отошли на почтительное расстояние.

– Нужен ты ему...

– Это ты не нужен, а у меня часы. – Стасик поднял руку и продемонстрировал свои «Тиссо» – родители подарили за успешное окончание и победу в городской исторической олимпиаде.

Часы, конечно, хорошие, но вряд ли этот кладбищенский ханыга отличит их от «Полета», о чем я и проинформировал Стасика.

– Завидуй, – надулся он.

Лорка сказала:

– Брэйк! Что-то вы после кладбища разошлись.

– А кто нас туда поволок? «Ах, покойнички! Ах, черепушечки!» – принялся ехидничать Стасик, но Лорка убийственно взглянула на него, и он замолчал. Вот бы мне так Стасика глушить...

– Хватит вам, – примирительно сказал я. – Может, мороженого дернем?

– Лучше пивка, – сказал Стасик.

– Я вопросительно посмотрел на Лорку.

– Можно и пивка, – сказала она. – Только сначала гараж.

– А... Дался он тебе!

– Ладно, тут же рядом, – вступился я, хотя и сам не понимал, зачем дался Лорке Стасиков гараж.

Ряд стандартных белокирпичных гаражей с одинаковыми сварными воротами, изготовленными местной артелью, тянулся вдоль южной оконечности кладбища. С одной стороны – кладбищенская стенка, которая здесь, в тылах «юдоли скорби», осыпалась и разваливалась, с другой – гаражи, какие-то пустые цистерны, брошенные остовы легковушек. Сейчас здесь было малоллюдно: дедок чинил оранжевый «Москвич», несколько мужиков с натугой вытаскивали из другого гаража пыльный «рафик» с выбитыми стеклами, а вон и Стасикова батяни гараж, с черной дверью и кодовым замком. В гараже стоял темно-зеленый «пассат», на котором семейство крайне редко ездило на природу или в Москву.

– Вон он, – показал Стасик. – Гараж как гараж, насмотрелась?

– А где твой папа видел страшилку?

– Да тут где-то... Вон в стенке дырок сколько. Да и не все ли равно, причудилось человеку, с кем не бывает...

– Я ж говорил, не надо было идти. Мы вроде про пиво говорили? Или я че-то спутал? Или мне показалось?

– Сейчас, – сказала Лорка, подошла к забору и посмотрела сквозь дыру на кладбище. Потом легко подтянулась на руках, перемахнула на ту сторону, только кружева мелькнули. Сделала она это как-то очень целомудренно, хотя юбка была короткая.

– Оп-па! – сказал Стасик. – Спорт!

Лорки не было минуты три. Наконец над забором появилась ее голова, и тем же манером она вернулась к нам.

– Ну, как там? Кости гложет красногубый вурдалак? – поинтересовался Стасик.

– Сглодал уже все, – буркнула Лорка.

Она выглядела озабоченной, но ничего рассказывать не стала, отряхнула идеально чистую с виду одежду и пошла вперед. Мы переглянулись и поспешили за ней.

Ларек с лирическим названием «Колокольчик» находился неподалеку – за гаражами, откуда начиналась улица Салтыкова-Щедрина. В кустах шиповника возле урны лежал мордой вниз пьяный со спущенными штанами, и мне стало за него стыдно. Слава богу, Лорка не обратила никакого внимания на обращенную к небесам волосатую задницу. Я пошарил в карманах, но Стасик великодушно выложил полтинник, заметив небрежно:

– Дивиденды от батяни. Гуляем.

– На полтинник разгуляешься... – пробормотал я, покупая три бутылки «Славянского» и воблу.

Мы сели на лавочку под березой, я откупорил пиво брелоком-открывашкой и принялся чистить рыбину, сухую и ломкую, словно осенний лист.

– Первое сентября... – задумчиво сказала Лорка. – Опять учиться.

– А ты раньше где училась? – спросил Стасик, ковыряя пробку ключом. Открывашками он почему-то из принципа не пользовался.

– В Киеве.

– Так ты украинка?

– Почему? – Она протянула мне пиво. – Открой, пожалуйста.

– В Киеве училась, жила. Мы ж теперь разные государства.

– У меня было российское гражданство. – Лорка в белых праздничных кружевах приняла у меня бутылку и отпила глоток. – Холодное... Так что я ничего не меняла, как была гражданка Российской Федерации, так и осталась.

– Э! Э! – прикрикнул я. – Куда икру выковыриваешь всю?!

– Я не всю... Ну, и как там в Киеве? – не унимался Стасик.

– Нормально.

– А чего уехали?

– Родители... – неопределенно пожала плечами Лорка.

– А чего тебя на кладбище понесло?

– Просто так. Интересно. – Она сделала еще глоток.

– Слушай, кончай цепляться, – сказал я. – Кладбище и кладбище, ты вон в прошлом году картинки со стенок в туалете кинотеатра «Старт» перерисовывал.

– Лорка с интересом уставилась на Стасика. Тот покраснел и проворчал:

– Это научный интерес. Я изучаю граффити.

– Ну-ну. – Я заулыбался.

– Мог бы и не вспоминать.

– Чего же? Одним интересно на кладбище сходить, другим – в туалет, да еще и за картинками. Так что утихни.

Стасик утих, но явно обиделся на меня – нечего, мол, языком болтать. Я и сам пожалел, что брякнул про туалет, но и на Лорку наезжать не стоило. Кладбища – вещь в самом деле интересная, что есть, то есть. Особенно когда философски подойдешь.

Мы еще некоторое время развлекали Лорку рассказами о том, как физичка Мариша заснула в лаборантской и проспала урок, а ее там еще и приперли на всякий случай партой, и как физкультурник Иван Пятрович – он так говорил сам, напирая на «я», – показывал навыки лазанья по канату, а канат оторвался от крюка в потолке, и Пятрович сверзился. В итоге сошлись, что школа у нас хорошая и Лорке очень даже не повезло бы, попади она в другую.

– За первый учебный день, – сказал Стасик, допивая пиво. – Еще по одной?

– А деньги? У меня червонец с мелочью.

– У меня еще осталось. – Лорка показала бутылку, где плескалась примерно треть.

– У меня ноль, – пожал плечами Стасик. – Можно домой метнуться, взять... Зря сразу не подумали.

– Да ладно вам, – поморщилась Лорка. – Алкоголики.

– От пива алкоголиками не бывают! – возмутился Стасик.

Он нашел среди рыбных очистков плавательный пузырь, быстренько обжарил его на огне зажигалки и сунул в рот.

– Бывают. Есть даже термин такой – «пивной алкоголизм», когда человек без пива не может.

– Я тоже читал, – поддержал я.

На самом деле я о таком не слыхал, но хотелось помочь Лорке. Стасик под нашим напором сдался и заявил:

– Тогда пошли на футбол. Сегодня с тамбовским «мясом» играют.

– С каким еще мясом? – не поняла Лорка.

– «Спартак» так называют, – пояснил я. – Не слыхала, что ли? А на футбол мы бесплатно пройти можем, у нас там знакомый работает, на стадионе.

– А во сколько матч?

– В пять вроде как должен начинаться. – Стасик посмотрел на часы. – Фигня идея. Что до той поры делать? По городу ходить? Весь день, считай, впереди.

– Тогда купим вина, – сказала Лорка.

Мы со Стасом воззрились на нее с дичайшим удивлением, которое она поняла правильно и, вытащив из карманчика на переднике пятисотрублевую бумажку, торжественно помахала ею перед нашими носами.

– Гля, четко! – сказал Стасик. – И все можно прос... прокутить?

– Не все. Но вина выпить можно.

Мне было как-то неудобно, но потом я подумал, что Лорка полноправный и равноправный товарищ, чего бы ей и не потратиться?

– Нормально, – согласился я.

– А куда пойдем?

– Да куда угодно, – замахал руками оживившийся Стасик. – Сейчас народ из школы повылезет, все пить начнут за первое сентября... Надо скорей места в шатрах занимать.

– В шатрах, – скривилась Лорка. – А поинтереснее?

– В кабак, что ли?

– Нет. Какое-нибудь красивое место, интересное.

– Проклятое, – улыбнулся Стасик.

– А что за проклятое место? У вас есть проклятые места?!

На самом деле проклятое место у нас было одно – «у Дворца культуры», чисто местный ориентир, гостям города непонятный. В самом деле, заросшие молодыми березками и травой руины никак не ассоциировались с культурой, но здесь и в самом деле лет двадцать назад начали строить огромный храм искусств. Потом появился Горбачев, на искусства денег не стало, стройку забросили. Батя рассказывал, что там даже стоял брошенный строителями по неведомой причине бульдозер, но потом некие предприимчивые люди бульдозер сперли.

До сих пор на каждых выборах – мэра, в горсовет, в областную думу, в Государственную Думу – каждый кандидат обещает найти средства для завершения строительства Дворца. И дураку ясно, что вначале нужно все сломать и разровнять, а потом уже начинать все строить заново, но народ послушно внимает обещаниям и так же послушно голосует «за». Однако название «проклятое место» как появилось лет семь назад, так и прижилось.

Новый мэр, избранный в прошлом году, пошел дальше остальных: обнес стройку красивым забором, покрашенным в ярко-зеленый цвет. Над забором прикрепили щит с надписью «Паспорт объекта». На этом добрые дела закончились, забор понемногу растаскивали на доски, а «дворец» по-прежнему зарастал себе и зарастал. Иногда местные Палестины навещала милиция – наловить «для плана» любителей выпить на природе. Но менты искали по кустам тех, кто уже вырубился, а в самые руины не совались – ленились, что ли?

– А что? Можно и в проклятое, – сказал я. – Там балкончик хороший имеется.

В магазине «Столичный» вино нам продали без проблем. Стасик науськивал Лорку купить три портвейна и «еще бутылочки три пивососа, чтобы потом освежиться и заполировать одновременно», но она не поддавалась и взяла полуторалитровый пакет болгарского белого полусладкого вина, три пластиковых стакана и двести граммов сыра «Дор блю». Продащица подала сыр со смешанным выражением удивления и уважения на лице.

– О, сыр плесневый! – сказал Стасик, вертя зеленую треугольную коробочку в руках. – Элита! Уважаю.

Как будто не он только что тыкал пальцем в «тринадцатый» портвейн и хотел его заполлировать «пивасосом». Слава богу, что не купили. Портвейн на пиво или пиво на портвейн – убийственная вещь, да потом может еще на горшок пробить. И сиди потом на толчке, осваивай принцип реактивного двигателя. Кто-то говорил, что Циолковский вот так его и придумал – обьелся или обпился...

– Мы нарушаем законы Российской Федерации, – заметил я, подбрасывая булькнувший пакет с вином. – Путин нас по головке не погладил бы.

– По которой? – машинально приколотся Стасики сник, сообразив, что сморозил глупость. Лорка снисходительно сделала вид, что не заметила.

На балконе третьего этажа было чисто, никто там, на удивление, не нагадил, хотя в этом есть особый шик – навалить на балконе в центре города, глядя на магазин «Океан» и Управление образования. Зато лежали несколько кирпичей стопочками – как бы стульчики, чтоб сидеть, а посередине – большой жестяной короб с остатками засохшего цемента внутри, перевернутый вверх дном. Типа стол.

– Ни разу в таком месте не была, – сказала Лорка, восхищенно озираясь.

Мы расселись, открыли вино, взяли по куску сыра.

– Вкусно, – сказал Стасик.

По мне так, вино было кисловатое, а сыр подобного вида и вкуса у нас обычно валялся в холодильнике, причем обычный «Костромской» или «Российский», только выдержанный с полгода.

– Водочки бы, – сказал Стасик мечтательно. – Слушай, а тебя папундель не напрягает за вино?

– Не-а. Вино в малых дозах полезно.

– Я тоже где-то читал, – вспомнил я. Как про пивной алкоголизм.

– Ну, тогда за пользу. – Стасик налил себе еще. – И на футбол? А то опоздаем.

Как ни странно, мы в самом деле пошли на футбол, посмотрели, как наши выиграли у Тамбова два-один, покричали, погрызли семечек. Снаружи уже бродили старшеклассники (не из нашей школы, из третьей, она тут ближе); рыжая девка в таких же кружевах, как у Лорки, блевала возле урны, а ее подруга, покачиваясь, говорила назидательно:

– А нечего было водяру глушить после самогонки! Нечего! Что ты брызгаешься, сука, ладонью закрывайся!

Неподалеку дрались человек пять, один уже валялся на тротуаре в порванной белой рубашке и с разбитой рожей. В теории можно было нарваться и нам, все же чужой район, другая школа... Поэтому я сказал:

– Давайте-ка отсюда валить туда, где поспокойнее.

– Точно, – поддержал Стасик.

По домам решили все же идти пешком. Возле универсама Стасик притормозил, остановился у газетного стенда и присвистнул.

– Что там? – спросил я, комкая найденные в кармане футбольные билеты и бросая их в переполненную урну. Не попал, конечно же.

– Ментов завалили, сразу трех!

«Зверски убиты трое сотрудников милиции».

Передовица в местных «Ведомостях» не могла не привлечь внимания, то-то Стасик ее заприметил. В черных рамках – три фотографии: молодые парни, два сержанта и рядовой. Кузовлев, Мироненко и Светлов. Васька Мироненко в параллельном учится, не родственник ли? Надо потом спросить...

«По сообщению пресс-службы УВД, в ночь с 30 августа на 1 сентября в районе сквера имени XX съезда КПСС милицейский патруль обнаружил автомашину УАЗ, принадлежащую Пролетарскому ОВД. В машине сотрудники милиции нашли изуродованное тело сержанта Алексея Кузовлева – сержант был убит, судя по всему, совсем недавно. Вызвав подкрепление, патрульные продолжили осматривать местность и обнаружили еще два тела – сержанта Олега Мироненко и рядового Григория Светлова, также со множественными ранениями. Табельное оружие – два пистолета Макарова и автомат АКМС – отсутствовали. Прибывшие сотрудники милиции и работники „скорой помощи“ констатировали смерть пострадавших. Как сообщает наш источник в Управлении внутренних дел, милиционеры были шокированы состоянием обнаруженных тел. Так, у сержанта Мироненко, как говорят, была почти оторвана голова, а руку рядового Светлова обнаружили лишь через несколько минут в канаве метрах в тридцати от места происшествия.

Начальник городского Управления внутренних дел полковник Буров отказался комментировать происшедшее, сказав, что в данный момент ведется следствие и любая информация будет преждевременной».

Привычный стиль «Ведомостей» – написано коряво, но зато все так, как было на самом деле. Страшненько и завлекает. «Ведомости» выложили все, что смогли узнать. Говорят, там работают почти что одни педики (даже кто-то из конкурентов фельетон писал – «Педомости»), но газету делают нормальную – пишут такое, о чем остальные молчат. Когда пьяный вице-мэр на Дне города наблевал со сцены в оркестр, никто словом не обмолвился об этом происшествии, кроме «Ведомостей» – у них был целый фоторепортаж под названием «Рыголетто». А директора департамента образования, который построил за городом особняк с зимним садом и бассейном, даже с должности сняли – после того, как «Ведомости» напечатали где-то добытые фотографии, как он в этом бассейне плавает с голыми девками по вызову. Правда, директор теперь снова директор, только ликеро-водочного завода, но это уже другой вопрос.

Я не представляю, кто и зачем мог оторвать голову сержанту милиции. Разве что какой-нибудь борец Карелин, но он вряд ли стал бы такое делать... Зверь? Но зверю ни к чему автомат и два пистолета, да и зверей у нас не водится – зайцы да крысы, в крайнем случае... В том году приезжала выставка «Монстры тропиков», ее показывали в краеведческом музее, у них убежал крокодил и прятался где-то в залах, но его быстро поймали.

Оружие, конечно, могли подобрать случайные прохожие, но пообрывать покойникам головы?!

– МIRONЕНКО... МIRONЕНКИ родственник, что ли? – задумался Стасик вслед моим мыслям.

Я посмотрел на Лорку и понял, что она испугана. Очень-очень сильно испугана.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ГОД 1880-й

Год приходит к концу, страшный год, который неизгладимыми чертами врезался в сердце каждого русского.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Отечественные записки

1

«В твердом решении положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок, Мы признали за благо:

1. Учредить в С. – Петербурге Верховную Распорядительную Комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

2. Верховной Распорядительной Комиссии состоять из Главного начальника оной и назначаемых для содействия ему, по непосредственному его усмотрению, членов комиссии.

...5. В видах объединения действий всех властей по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, предоставить Главному начальнику Верховной Распорядительной Комиссии, по всем делам, относящимся к такому охранению:

а) права Главноначальствующего в С. – Петербурге и его окрестностях, с непосредственным подчинением ему С. – Петербургского Градоначальника;

б) прямое ведение и направление следственных дел по государственным преступлениям в С. – Петербурге и С. – Петербургском Военном Округе; и

в) верховное направление упомянутых в предыдущем пункте дел по всем другим местностям Российской Империи.

6. Все требования Главного начальника Верховной Распорядительной Комиссии по делам об охранении государственного порядка и общественного спокойствия подлежат немедленному исполнению как местными начальствами, Генерал-Губернаторами, Губернаторами и Градоначальниками, так и со стороны всех ведомств, не исключая военного.

7. Все ведомства обязаны оказывать Главному начальнику Верховной Распорядительной Комиссии полное содействие.

8. Главному начальнику Верховной Распорядительной Комиссии представить испрашивать у нас, непосредственно, когда признает сие нужным, наши повеления и указания.

9. Независимо от сего представить Главному начальнику Верховной Распорядительной Комиссии делать все распоряжения и принимать вообще все меры, которые он признает необходимыми для охранения государственного порядка и общественного спокойствия как в С. – Петербурге, так и в других местностях Империи, причем от усмотрения его зависит определять меры взыскания за неисполнение или несоблюдение сих распоряжений и мер, а также порядок наложения этих взысканий.

10. Распоряжения Главного начальника Верховной Распорядительной Комиссии и принимаемые им меры должны подлежать безусловному исполнению и соблюдению всеми и каждым и могут быть отменены только им самим или особым Высочайшим повелением.

11. С учреждением, в силу сего Именного Указа Нашего, Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, утвержденную таковым же Указом от 5 апреля 1879 г. должность Временного С. – Петербургского Генерал-Губернатора упразднить.

Правительствующий Сенат, к исполнению сего, не оставит сделать надлежащее распоряжение».

Спустя пару часов после того, как Рязанов прочел императорский указ «Об учреждении в С. – Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия», в коридоре ему попался адъютант великого князя Константина Киреев. Морща лоб, он сказал, словно бы продолжая едва прерванный разговор:

– Читали приказ о Лорис-Меликове? Хороший результат. Всякие пагубные конституционные поползновения пресечены, слава всевышнему. Что ж, если императору не удастся сладить с нигилистами, то пусть ладит кто иной. Государю-то, пожалуй, вешать не слишком удобно!

– Пожалуй, что и так, – осторожно согласился Рязанов.

Почему-то на ум пришли слова его любимого Рабле: «Все это заседало сорок шесть недель, но так и не раскусило орешка и не могло подвести дела ни под какую статью, и это обстоятельство так обозлило заседавших, что они от стыда самым позорным образом обкакались». Нет-нет, это, конечно же, никоим образом не относилось к Комиссии всемого уважаемого Иваном Ивановичем Лорис-Меликова, но ничего ведь не приходит на ум просто так, не правда ли? Конечно же, ничего этого вслух Рязанов говорить не стал.

Мимо прошли два сановных старичка, о чем-то взволнованно лопоча и манерно отставляя локти. Что за старички, Рязанов не знал, а Киреев с ними учтиво раскланялся.

– Кто такие, Андрей Михайлович? – спросил Рязанов, когда старички удалились.

– Господь их знает, – пожал плечами адъютант с простодушной миною.

– Что же раскланялись?

– Знаете, – понизил голос Киреев, – сегодня все меняется в одночасье... Смотришь, сейчас он старичок никчемный, а завтра – облечен... В чинах, судьбами ворочает. Однако мы отвлеклись от нашего Лориса.

– И что же, простите, Лорис?

– Да то, почтенный, что делегация почти царской власти Лорису есть полуабдикация, с другой стороны, что же делать? Михаил Тариелович – это последняя карта нашего правительства, если и это не удастся, то дело сойдется клином.

– Думаете, так?

– Думаю, так, – кивнул Киреев.

Каково же было удивление Рязанова, когда днем позже его пригласил сам герой многочисленных частных бесед! С графом Иван Иванович был знаком, но не более того. Слишком уж разные они были люди: и возрастом, и окружением, и взглядами. Пожалуй, Рязанов удивился бы больше, разве что если бы его вызвал сам государь.

– Послушайте, Иван Иванович... – сказал Лорис-Меликов, глядя по сторонам, словно бы испытывал неудобство и не знал, о чем говорить. – Нет, обождите, что же я сразу о делах... Не угодно ли вам выпить чего-нибудь горячительного? Арманьяк, может быть?

– Если вам будет так угодно, ваше превосходительство, – отвечал Рязанов. Он ожидая официальной беседы, Лорис же был обходителен и немного растерян.

Генерал достал из шкафчика графин, налил обоим и, пригубив из своей рюмки, продолжал:

– Послушайте, Иван Иванович... Зная вашего многоуважаемого батюшку, а также ваши примечательные успехи на ниве правоведения, и не только, я имею честь предложить вам прелюбопытную работу во вверенной мне Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

Комиссия была учреждена лишь несколько дней назад, 12 февраля, и Михаила Тариеловича Лорис-Меликова уже называли тайком «вице-императором». В самом деле, Комис-

сия и лично Лорис-Меликов обладали огромной властью, в его подчинение перешли Третье отделение и корпус жандармов, – и это явно, а о скрытых возможностях Комиссии оставалось лишь гадать. В своем обращении «К жителям столицы» три дня спустя после назначения рассудительный и мудрый Лорис-Меликов весьма красиво обрисовал задачи и цели вновь созданной Комиссии, сказав в частности: «Ряд неслыханных злодейских попыток к потрясению общественного строя государства и к покушению на священную особу государя императора в то время, когда все сословия готовы торжествовать двадцатипятилетнее, плодотворное внутри и славное извне, царствование великодушнейшего из монархов, вызвал не только негодование русского народа, но и отвращение всей Европы.

Не давая места преувеличенным и поспешным ожиданиям, могу обещать лишь одно – приложить все старание и умение к тому, чтобы, с одной стороны, не допускать ни малейшего послабления и не останавливаться ни пред какими строгими мерами для наказания преступных действий, позорящих наше общество, а с другой – успокоить и оградить законные интересы благомыслящей его части. Убежден, что встречу поддержку всех честных людей, преданных государю и искренно любящих свою родину, подвергнушая ныне столь незаслуженным испытаниям».

Такие слова выглядели разумными в сравнении, к примеру, с обращением к государю начальника Московского полицейского управления, без обиняков предлагавшего «выслать всех социалистов на остров Сахалин и блокировать его военными кораблями, а высшие учебные заведения перевести в захолустные окраины, изолировав тем самым революционное студенчество от народа».

Рязанов, разумеется, читал «К жителям столицы» и догадывался, что вызов к Лорис-Меликову так или иначе будет связан с работою Комиссии, но никак не мог ожидать, что генерал вот так, запросто предложит ему место. Кто же мог ему протезировать? Откуда Лорис-Меликов знает о «примечательных успехах на ниве правоправедения», под которыми, несомненно, подразумевает в том числе стажировку в Сюртэ? Или он совсем о другом говорит, а правоправедение – лишь предлог?

– Вижу, вы озадачены, Иван Иванович, – улыбнулся тем временем граф. – Представьте же, как был озадачен я, когда государь предложил мне возглавить Комиссию... Буду честен: едва успел оглядеться, вдуматься, научиться, вдруг – бац! – иди управлять уже всем государством. Я имею полномочия объявлять по личному усмотрению высочайшие повеления. Ни один временщик – ни Меншиков, ни Бирон, ни Аракчеев – никогда не имели такой всеобъемлющей власти. Потому, поверьте, мне известно о вас очень много, и, хотя кое-кто советовал мне не связываться с вами, отрекомендовав редкостным сумасбродом и мистиком, я все же пренебрег этими дурными советами. Видите, я с вами честен. Если вы не хотите еще арманьяку...

– Нет-нет, благодарю, ваше превосходительство!

– ... Тогда не смею задерживать. Сейчас вас препроводят к одному из моих помощников и доверенных лиц, который и расскажет вам более подробно о грядущих делах.

– Но я, кажется, не дал еще согласия, – заметил Рязанов.

Генерал аккуратно вынул из кармана большой платок с монограммою, развернул его, высморкался, так же аккуратно убрал обратно и сказал с некоторой укоризною:

– Полноте, милейший Иван Иванович, я знал, что вы согласитесь, еще когда звал вас сюда. Мне очень нужен сумасброд и мистик, потому как вижу вокруг засилье людей рассудительных, благоразумных и скупых. А не то нынче время, чтобы благоразумно рассуждать, надобны головы необычные, работники всесторонние... Кому надо, пускай занимаются чем велено, а вам будет особое задание и отдельное начальство. Идите, идите, и вы не пожалеете, уверяю. Прошу извинить за столь короткую аудиенцию – не вижу смысла задерживать вас без толку, сам я всего лишь хотел еще раз на вас взглянуть, ибо не видел несколько лет.

Помощника и доверенное лицо Лорис-Меликова звали Бенедикт Карлович Миллерс, надворный советник. Лет сорока пяти, с седою всклокоченной шевелюрой и умным сухим лицом, он с удобством расположился в маленьком полутемном кабинете: окна там были завешены тяжелыми бордовыми порттьерами и светили, несмотря на полдень, слабо шипящие угольные лампы.

– Извольте садиться, господин Рязанов, – сказал Миллерс, перебирая на столе вороха бумаг.

Перед столом помещалось два кресла, но на обоих лежали все те же бумаги, и Иван Иванович не без труда освободил потребное себе место.

– Погодите минуту, иначе я забуду, что искал, – сказал Миллерс, продолжая копаться в документах.

Со скуки Рязанов принялся разглядывать книги, в совершенном беспорядке лежавшие на краю стола, в большинстве своем знакомые хотя бы названиями: первый том «Трудов Этнографической статистической экспедиции в западный русский край», Уложение о наказаниях 1846 года, Сборник Харьковского Историко-филологического Общества, разрозненные нумера «Недели» и «Киевлянина», а также на немецком и английском: «История немецкого народа» Янсена, переиздание «Глоссографии» Блаунта, «Об истине, заключенной в народных суевериях» Майо, «Очерки Элии» Лэма, «О преступлениях и наказаниях» Людовико Синистрари – впрочем, эта уже на итальянском. Довольно дико смотрелись здесь «Листок „Земли и воли“» и двадцатилетней давности «Полярная звезда» лондонского издания, запачканная то ли вином, то ли кровью.

Еще здесь была разнообразная литература по спиритизму – весьма толковая и полная подборка, в которой Иван Иванович приметил хорошо ему известные менделеевские «Материалы для суждений о спиритизме», петербургское издание Вильяма Крукса «Спиритизм и наука. Опытное исследование над психической силой», книги «Месмеризм, одилизм, столочерчение и спиритизм» Карпентера и «Спиритизм» Гартмана, а также журналы: аксаковский «Psychische Studien», издающийся в Лейпциге, и русский «Ребус».

– Любопытствуете? – спросил Миллерс, наконец освободившийся. Он взял небольшой лист бумаги, который тут же тщательно изорвал и бросил в корзину под стол.

Интересный подбор книг, ваше высокоблагородие. Не ожидал увидеть таковых в Комиссии Михаила Тариеловича, – смело заметил Рязанов. – Кроме разве вот этого. – И он постучал пальцем по «Листку „Земли и воли“».

В Комиссии Михаила Тариеловича многое можно увидеть, хотя почти все эти книги – моя личная собственность. Прошу прощения, что заставил вас ждать, господин Рязанов. Не удивляйтесь сумбуру на моем рабочем столе, ибо это не сумбур, но одному мне известный порядок. Так гораздо удобнее, уверяю... Что ж, приступим к делу. Не обижайтесь, если задаваемые мною вопросы напомнят вам пусть опять же сумбурный, но допрос: таковой у меня стиль, что поделать, таковая система.

– Я не обидчив, ваше высокоблагородие, – уверил Рязанов.

– Знаю, знаю... Я знаю о вас куда больше, нежели вы думаете, господин Рязанов. Неужели вы полагаете, что граф пригласил вас, не потрудившись навести всевозможные справки?

– Он сказал мне... и даже открыл, что некто пытался отговорить его от затеи приглашать меня в Комиссию.

– Строго говоря, в Комиссию вас и не приглашают, – сказал Миллерс, снова шевеля руками в бумагах. – В положительном случае вы будете как будто бы наняты Комиссией – подобная практика чрезвычайно удобна, а работать будете под моим непосредственным началом. Комиссия чересчур приметное учреждение для некоторых дел... Но вернемся к

вопросам, которые я приготовил для вас. Прошу отвечать подробно и без утайки, господин Рязанов. Скажите для начала, какими языками и в какой степени вы владеете?

– Французским и немецким – отлично, латынью и английским – изрядно.

– Вы забыли румынский.

– О, ваше высокоблагородие, румынским я владею в достаточно скромных пределах...

С тем же успехом я мог бы говорить об итальянском и венгерском.

– Отлично. И оставьте, прошу, титулование. Мы одни, не станем же чиниться... Что заставило вас порвать отношения с вашей невестой, госпожой Мамаевой?

– Какое отношение это имеет к моей возможной работе, господин Миллерс?...

– Никто не неволит вас, господин Рязанов. Вы можете тотчас выйти, если не хотите отвечать. Полагаю, карьера правоведа вас полностью устраивает, и я не хотел бы...

– Нет-нет, продолжим! – быстро сказал Рязанов.

В самом деле, кто ему теперь Аглая? Что дурного в том, что Миллерс хочет знать об их отношениях и причинах разрыва – учитывая, что Аглая явно числится в тайных надзорных списках жандармского отделения, к коим у Миллерса есть несомненный допуск.

– Как вам, видимо, известно, – произнес Иван Иванович, – госпожа Мамаева уличена в связях с организацией, называемой «Народная воля»; с такими господами, как Войноральский, Ковалик, Мышкин... После того как я это узнал, у нас произошел довольно неприятный разговор, а затем – разрыв. Могу уверить вас, что уже более трех месяцев я не поддерживаю с госпожой Мамаевой никаких отношений. В то же время и причин для ее ареста я не вижу: интерес госпожи Мамаевой к известным личностям таков же, как у большинства представителей российского студенчества и интеллигенции, сиречь созерцательно-восторженный. Никакой опасности госпожа Мамаева...

– ...Отрадно, отрадно. Мне не нужно выслушивать защитительную речь, господин Рязанов, я просил всего-то ответить на мой вопрос, что вы и сделали. А знакомы ли вы с господином Вагнером, спиритом?

– Знаком, и достаточно близко. Неоднократно посещал его салон. Видел его не далее чем позавчера, если вас это интересует.

– Вы серьезно верите в спиритизм?

– Скажем так: это – неведомое, господин Миллерс. Хотя я могу аргументированно доказать вам с равным успехом как реальность общения с миром духов, так и то, что это – мистификация. Однако я знал некоторые случаи, после которых не могу запросто отмахиваться от спиритизма. Кстати, у вас на столе лежат книги и журналы, из которых можно сделать на сей счет и полярно противоположные выводы.

– Но Церковь...

– Я не верую в господа, господин Миллерс. Я атеист. Простите, что перебил вас, но если это является препятствием...

– Ничего страшного, господин Рязанов, ничего страшного. Теперь я хотел бы, господин Рязанов, более подробно услышать от вас о поездке в Румынское княжество. Пожалуйста, не торопитесь, это очень важный фрагмент вашей биографии, о котором я хотел бы знать практически все.

– Почему именно он, хотел бы я спросить? Я ожидал, что вас интересует практика в Сюртэ.

– Потому что вы, господин Рязанов, посещали весьма любопытные места – такие, как остров Снагов, Сигишоара и Тырговиште. Каждое в отдельности это место вроде бы и не представляет интереса – для стороннего человека, но в подобном сочетании... Сюртэ меня также интересует, вне всяких сомнений, но вначале я хочу услышать о румынском вояже.

– Мне начинает становиться понятнее подбор книг на вашем столе, господин Миллерс, – сказал Рязанов и постучал пальцем о жесткий переплет Майо.

– Ну вот, мало-помалу мы пойдем друг друга, – улыбнулся Миллерс. – Начнем же с Сигишоары, первого этапа вашего любопытнейшего путешествия по румынским землям...

2

20 февраля Главного начальника Верховной Распорядительной Комиссии Михаила Тариеловича Лорис-Меликова на углу Большой Морской и Почтамтской, подле дома, где квартировал граф, чуть не убил слущкий еврей Ипполит Млодецкий. Его «лефоше» был нацелен генералу прямо в бок, и лишь чудом Млодецкий не попал.

«Эти евреи ничего не умеют правильно сделать», – сказал в сердцах Лорис. По крайней мере, так рассказывали Ивану Ивановичу. Сам же он с недоумением узнал, что покушение на Лорис-Меликова не было санкционировано «Народной волей». Произошло оно в присутствии двух стоявших у подъезда часовых, двух верховых казаков, конвоировавших экипаж, и, само собой, в виду торчавших тут же городских.

Двумя днями позднее с самого раннего часа народ собирался на Семеновском плацу. Рязанов после интересовался полицейскими подсчетами – ему сказали, что собралось чуть менее полета тысяч, газеты же писали, что и все шестьдесят, во что нетрудно было поверить: на самом плацу, достаточно обширном, все не поместились, хотя и натащили бочек, ящиков и прочих возвышений, потому черны от людей были и крыши окрестных домов, и большие станины мишеней стрельбища, и даже вагоны Царскосельской дороги, вереницами стоявшие поодаль. Рязанов видел, как с одного вагона упала в толпу, на мягкое, любопытная баба и то ли родственники, то ли просто добрые люди принялись с руганью вздымать ее обратно.

Простая виселица, сколоченная их трех балок, была выкрашена черной краскою, как и позорный столб, врытый подле нее. На специальной деревянной платформе, также свежестроенной, уже собрались представители власти, среди которых Рязанов разглядел градоначальника Зурова и двух знакомых чиновников из военно-окружного суда.

Вокруг виселицы были выстроены в каре четыре батальона гвардейской пехоты с отрядом барабанщиков впереди, а с внешней стороны каре расположился жандармский эскадрон.

Мог ли думать злосчастный еврей-мещанин из богом забытого Слуцка, что в честь его – пуская даже и предсмертную – соберется такое великолепие?!

Мог ли надеяться, что кончину его увидят десятки тысяч людей и еще сотни тысяч, если не миллионы, прочтут о ней в газетах?!

– Верите ли, Иван Иванович, места от пятидесяти копеек до десяти рублей, – сказал Кузьминский, зябко потирая руки.

Степан Михайлович Кузьминский был также правовед, тремя годами старше Рязанова, и занимался адвокатурою; и пусть лавров Кони или Спасовича не снискал, жил небедно. Встретились они случайно, уже подъехав с разных сторон к Семеновскому плацу.

– Что? – переспросил отвлекшийся Иван Иванович.

– От пятидесяти копеек до десяти рублей места, говорю, словно в опере. Не угодно ли купить?

– Мне отсюда прекрасно видно, – отозвался Рязанов с раздражением.

– А в сорок девятом году мороз был, между прочим, сорок градусов, – сказал человек, стоявший рядом с ними и, очевидно, слушавший разговор. Говорил он вполголоса, почти шепотом, но, несомненно, на публику.

Рязанов внимательно оглядел соседа. Невысокий, худощавый, но довольно широкоплечий при этом, с лицом землистым и болезненным, с небольшой русой бородою, он был довольно стар – и особенно старыми выглядели его впалые притухшие глаза. Кажется, где-то Иван Иванович видел уже этого человека, но никак не мог отрыть в памяти, кто же это такой.

– Вызывали по трое, – так же глухо пробормотал он, – а я был в третьей очереди, и жить мне оставалось не более минуты... На пятнадцать шагов – по пятнадцать рядовых при унтер-офицерах, с заряженными ружьями...

– Позвольте, уж не о казни ли петрашевцев вы говорите? – с интересом спросил Кузьминский, продолжая тискать свои замерзшие ладони.

Старик уже хотел что-то ответить, вроде бы утвердительно кивая, но тут толпа загомонила:

– Везут! Везут!

Показалась высокая повозка, на которой спиной к кучеру сидел Млодецкий. Руки его были привязаны к скамье ремнями, а на груди прикреплена была табличка, на которой ясно читалось: «Государственный преступник».

Вешать Млодецкого должен был знаменитый палач Иван Фролов, человек большой силы и – вопреки бытующему мнению о палачах – не лишенный внешней приятности. Отвязав несчастного, но не освободив ему рук, Фролов буквально придвинул Млодецкого к позорному столбу, где тот покорно – вместе с людскою толпою – выслушал приговор. Потом появился священник, чрезвычайно взволнованный, и что-то тихо сказал преступнику, после чего протянул крест для целования.

– Поцеловал! Поцеловал! – прошелестело в толпе.

– Позвольте, но он же еврей! – воскликнул Кузьминский. – Чисто еврейский тип самого невзрачного склада...

– Кажется, говорили, что он недавно принял православие, – заметил Рязанов.

– Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят?... – произнес старик, взиравший на приготовление к казни с огромной скорбью. Глаза его, казалось, ввалились еще глубже, а тонкие бескровные губы нервно подергивались.

Фролов при помощи подручного надел на казнимого белый колпак и холщовый халат, сноровисто связав последний рукавами сзади, затем ловко накинуд на голову петлю и безо всякой натуги поставил Млодецкого на скамейку. Барабаны выбили дробь, веревка натянулась, и Млодецкий забился в агонии. Это было далеко не первое повешение, которое видел Иван Иванович, но именно сейчас ему вдруг стало жутко и холодно внутри.

– ...Не столько браните их, сколько отцов их. Эту мысль проводите, ибо корень нигилизма не только в отцах, но отцы-то еще пуще нигилисты, чем дети. У злодеев наших подпольных есть хоть какой-то гнусный жар, а в отцах – те же чувства, но цинизм и индифферентизм, что еще подлее, – бормотал старик, словно молитву. Так говорят обыкновенно люди, которые привыкли, чтобы слушали их, или, наоборот, склонные слушать лишь одних себя, возможно, сумасшедшие.

Над плацем повисла тишина, только кричали вдалеке вороны да загудел на окраине паровоз, словно салютуя повешенному. Тело его то выгибалось, то повисало расслабленно, но едва казалось, что все кончено, снова билось в предсмертном томлении. Палач Фролов озабоченно смотрел на висельника, но ничего не предпринимал, хотя Рязанов знал, что в таких случаях принято «смирять» казнимого, обхватив его за ноги и сильно потянув вниз.

– Черт знает что! – воскликнул наконец Кузьминский, вынимая часы и вглядываясь в них. – Десять минут! Нет, я не могу этого более видеть. Пойдемте выпьем, Иван Иванович.

– Да, это придется очень кстати, – согласился Рязанов. – Не составите ли нам компанию, милостивый государь? – неожиданно для себя спросил он у соседа-старика.

Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление, – сказал тот, глядя перед собою, словно бы и не слышал предложения. – Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу, непременно еще надеется, что спасется, до самого последнего мгновения... А тут всю эту последнюю надежду, с которою умирать в десять раз легче, отнимают наверно! Тут приговор, и в том, что наверняка не избежешь, вся ужасная мука-то и сидит, и сильнее этой муки нет на свете. «Вот их десять тысяч, а их никого не казнят, а меня-то казнят!» – небось думает он...

– Старичок, поди, умалишенный, – прошептал Кузьминский, легко толкнув Рязанова в бок. – Оставьте вы его! Он и не пьет, скорее всего, по болезненности, а кушает один габер-суп¹.

– Позвольте еще один вопрос, – снова обратился Иван Иванович к старику-петрашевцу, игнорируя правоведа. – Где я мог видеть вас? Отчего-то ваше лицо кажется мне очень знакомым.

– Не узнаете? – спросил старик со скрытой радостью. – Не узнаете... Это и правильно: зачем вам, молодому цветущему человеку... Нет, нет. Не нужно. Хотя и печально, печально.

И, махнув рукою, он пошел прочь. Рязанов растерянно посмотрел ему вслед и повернулся к Кузьминскому:

– Степан Михайлович, кто это был? Вам не показалось знакомым его лицо?

– Он говорил о казни петрашевцев, – пожал плечами Кузьминский, – возможно, кто-то из них... Под следствием были сто двадцать три человека, а казнили-то только двадцать одного. Может быть, даже кто-то из руководителей кружка – Момбелли, Кашкин. Да пусть его, Иван Иванович; идемте, уж больно здесь холодно, да и на душе нехорошо.

И они в самом деле отправились в ресторан, где под звуки французского оркестриона отогрелись мясным и горячительным.

¹ Габер-суп – жидкая овсяная похлебка, которой обыкновенно кормили больных.

3

Зала блистала великолепием – портреты ныне здравствующего государя, Александра Первого и Екатерины Второй буквально утопали в цветах, гирляндах и зелени, как утопал в них и огромный бюст Пушкина. Московская городская Дума проводила прием депутатов, и Иван Иванович Рязанов прибыл на него, прямо говоря, совсем незаслуженно, ибо ни в одну депутацию не входил да и не мог входить. Он прибыл служебной надобностью, постольку имел таковое задание.

Задание было весьма странное: пойти на прием и поучаствовать в нем, наблюдая и ни во что не вмешиваясь, буде даже что-либо непредвиденное произойдет. На вопрос, за кем или за чем необходимо наблюдать, Миллерс ответил загадочно: «Да за кем угодно, случись что, поймете сами. И не пренебрегайте случайными беседами».

Меж тем зала наполнена была множеством знакомых и полужнакомых лиц. Чуть поодаль в белоснежном платье – без какого-либо траура, долженствующего присутствовать в знак скорби по императрице Марии Александровне, что скончалась, едва вернувшись с Лазурного берега, – стояла госпожа Евреинова – доктор права из Лейпцигского университета, знакомая Рязанову по его германскому вояжу. Кажется, сейчас она его не признала, что и к лучшему. Не признал Рязанова и принц Петр Георгиевич Ольденбургский, но ему Ивана Ивановича представляли в далекой юности.

Рязанова принимали за какого-нибудь депутата от газет или журналов, а то и зарубежного гостя – разумеется, те, кто Рязанова вовсе не знал. Зато с охотой подошел к нему Александр Александрович Пушкин, сын поэта, командир Нарвского гусарского полка. Он чрезвычайно вежливо раскланялся, задал несколько обычных, ничего не значащих вопросов, как и положено воспитанному человеку, встретившему такого же случайным порядком, и с извинениями удалился, сказав, что ему пристало находиться подле своих сестер и брата.

Григория Пушкина Рязанов, однако, так и не заметил, а вот Наталья Александровна, графиня Меренберг, и Мария Александровна Гартунг в самом деле стояли у колонны, о чем-то еле слышно беседуя. Наталью Александровну Рязанов видел впервые и нашел ее совершенной красавицей, а вот ее сестрица выглядела печальной и подурневшей. Припомнилась история с ее покойным мужем, генерал-майором Гартунгом, что застрелился три года назад после того, как суд присяжных признал его виновным в подлогах и мошенничестве. Верно ли оно так было или на Гартунга возвели клевету, теперь уже не представлялось возможным узнать, но его вдова и по сей день пребывала в грусти.

Два господина в черных фраках с белыми бутоньерками, на которых, как и полагалось, стояли золотые инициалы «А. П.», довольно громко обсуждали составы депутатов, причем один, с холеной черной бородой, делал упор на то, что от православного духовенства не явилось ни одного человека, а из всех иноверных исповеданий прибыл только московский раввин.

– Жиды-с! – прищутив глаз, заключил бородач.

– Прошу прощения, что вмешался в ваш разговор, – сказал Рязанов, – но что в том дурного, если московский раввин прибыл почтить талант и память великого нашего стихотворца? Тем более в отличие от православных священников.

– Ничего дурного, право... – растерянно отвечал бородач.

– Для чего же тогда говорить: «Жиды-с»?

– Позвольте... Кто вы, сударь? С кем имею...

– Нет в ваших рассуждениях никакой логики, – прервал его Иван Иванович и поспешил отойти. Зачем он ввязался в чужой разговор, он и сам не мог понять, но задание не пренебрегать случайными беседами выполнял исправно.

Сопровождаемый неприязненными взглядами двух давешних фрачников, Рязанов принялся бродить без особенного дела меж сочувствующих и приглашенных, пока, уступая дорогу особенно толстому и важному генералу с пышными бакенбардами, не толкнул нечаянно какого-то человека. Повернувшись, чтобы извиниться, Рязанов с удивлением отметил, что перед ним стоит старик, который встретился им с Кузьминским в феврале на Семеновском плацу, во время казни Млодецкого. И тут как громом ударило Ивана Ивановича: ба! старик сей был не кто иной, как многожды виденный на портретах писатель Достоевский! Иван Иванович тут же укорил себя за то, что не признал его еще на Семеновском плацу и не пригласил-таки в ресторан.

– Господин Достоевский! Какая незадача: прошу меня извинить за неуклюжесть! – поклонился Рязанов.

– Вижу, узнали меня, – с горечью сказал старик, разомкнув склеенные бесцветные губы. – Зачем? Чтобы мучить, как все?!

– Полноте, уважаемый Федор Михайлович, для чего же мне вас мучить? – удивился Рязанов, припоминая, что о Достоевском ходят разные слухи и он, верно, в самом деле немного не в себе.

– Для чего и другие мучают – от безделья, от врожденной злобы... – Достоевский повозил пальцем по колонне, словно ребенок, размазывающий пролитую молочную лужу. – Зачем же еще?

– Простите, Федор Михайлович, но я и в мыслях такого не имел, – отвечал с возмущением Рязанов. – Сказался же я исключительно ради того, чтобы выразить свою благодарность за ваши сочинения, которые я ценю весьма высоко.

– А кто вы такой, позвольте спросить, молодой человек? – спросил Достоевский.

– Мое имя ничего вам не скажет. Иван Иванович Рязанов, правовед, ничем не примечательный гражданин нашего государства, – с улыбкой представился Рязанов.

– Ничем не примечательный? Однако кажется мне, что я где-то вас видел...

– На Семеновском плацу. Мы с приятелем стояли подле вас, но я, прошу прощения, тогда вас не признал. Я еще пригласил вас в ресторан, согреться, но вы не соизволили...

– Меня теперь трудно признать... Что же вас сюда привело?

Писатель смотрел уже с добротой и интересом.

– По меньшей части работа, по большей – любопытство. Полагаю, завтра, при открытии памятника, будет интереснее.

– Не дай бог вцепятся друг в дружку, – сказал спокойно Федор Михайлович. – После завтра обед человек в пятьсот с речами, а может быть, и с дракой. Я приехал, хотел жить скромно, в «Лоскутной» на Тверской, ан меня уже тащат туда-сюда... В «Эрмитаже» обед в мою честь – не поверите, осетровые балыки в полтора аршина, суп из черепах, перепела, спаржа, шампанское и вино в количествах немыслимых... Вынужден признать, не по-петербургски устраивают, совсем другой размах в Москве, совсем. А я, знаете ли, давненько уже не уезжал от семьи; если не ошибаюсь, последний раз – в Эмс, на воды, «Кренхен» и «Кесельбрунен» пить. Тамошнее лечение меня всегда воскрешает... Да, а на обеде сказано было в честь мою шесть речей, со вставанием с места. Приятно, уважаемый Иван Иванович, приятно!

«Бог ты мой, только что он, подобно Иисусу, спрашивал: „Зачем ищете убить меня?!“ – и вдруг рассказывает с радостным румянцем и горящими глазами об осетровых балыках и спарже, гордится речами со вставанием?!» – недоумевал Рязанов. Похоже, Федор Михайлович был действительно тяжело болен, и не нужно было иметь медицинских знаний, чтобы это утверждать.

– ...Все московские молодые литераторы хотят со мною познакомиться, – продолжал тем временем Достоевский. – Всюду почтение неимоверное, любопытство насчет меня

страшное! Все меня принимают как чудо, я не могу даже рта раскрыть, чтобы во всех углах не повторяли потом, что Достоевский то-то сказал, Достоевский то-то хочет сделать...

Внезапно Федор Михайлович замялся, заморгал и застыл, болезненно скривив рот, будто вспомнил страшное и неминуемое, что гораздо важнее славословий от молодых литераторов.

– Вот же беда, – произнес он робко и жалобно. – А в «Лоскутной»-то меня поселили в номере, который оплачивает Дума. И содержание мое тоже Дума оплачивает, а я вовсе этого не хочу! А не принять нельзя – разнесется, войдет в анекдот, в скандал, что не захотел, дескать, принять гостеприимство всего города Москвы... Это же меня так стесняет, уважаемый мой Иван Иванович... Но я придумал, я славно придумал: теперь буду нарочно ходить обедать в ресторан, чтобы по возможности убавить счет, который будет представлен Думе гостиницей. А я-то, я! Два раза был кофием недоволен и отсылал переварить его погуше! Скажут теперь обо мне люди в ресторане: ишь, на дармовом хлебе важничает! Но я славно придумал с рестораном, оно и забудется, правда ведь, Иван Иванович?!

– Разумеется, – согласился с готовностью Рязанов. – Разумеется, забудется. Мелочь такая, право слово.

– Не такая и мелочь! – сварливо сказал писатель. – Не мелочь!

Потом помолчал и промолвил прежним, добрым и радостным тоном:

– А вы навестите меня в «Лоскутной». Навестите, Иван Иванович. Буду рад чрезвычайно. Чем-то вы мне приятны.

О лучшем Рязанов не мог и мечтать.

4

Господин Достоевский, по справкам, что навел Иван Иванович, еще гостил в Москве, и Рязанов в самом деле пришел в гостиницу в надежде, что давешнее приглашение осталось в силе, да и Миллерс к тому же чрезвычайно приглашением был будирован и торопил с визитом.

Шел теплый мелкий дождик, и Иван Иванович слегка промок. К тому же он более чем опаздывал, но все же надеялся на встречу, так как был наслышан, что писатель имеет обыкновение принимать гостей допоздна.

Как раз перед ним, как поведал Ивану Ивановичу коридорный, Достоевского посетили госпожа Поливанова и господин Юрьев, председатель Общества любителей российской словесности. Наверное, речь шла о недавней речи Достоевского, которую тот прочел в зале Благородного собрания и кою Аксаков успел окрестить «не просто речью, а историческим событием». Коридорный сомневался, готов ли Федор Михайлович принять гостя, но Рязанов все же попросил доложить о нем. К радости Ивана Ивановича, Достоевский его принял, невзирая на поздний час.

Писатель был одет престранным образом – в драное пальто, из-под которого видна была ночная сорочка; а ноги были обуты в валенки. Вид господин Достоевский имел больной и усталый.

– Вы, верно, тот самый молодой человек, что представлялся мне на приеме депутаций? Видите – помню вас... Да-да... – пробормотал он, запахивая свое пальто и все попадая рукою мимо ворота.

– Иван Иванович Рязанов, к вашим услугам, – поторопился сказать Рязанов, дабы не утруждать писателя припоминанием.

– Прошу прощения, господин Рязанов, что в таком наряде – собираюсь, знаете ли, отъезжать, достаточно уже пробыл в Москве, пора и честь знать. Верно, в такие деньги визит мой обошелся, аж страшно и подумать... Господин Юрьев, что был до вас, любезно предлагал помочь в сборах, да я отказался – всегда сам, никто мне не укладывает вещей... Хотите, может быть, чаю? Я недавно заваривал!

Иван Иванович согласился и через минуту уже сидел с чашкою в руках. Чай был дешев, да и заварен дурно, но Иван Иванович все одно любезно прихлебывал его и слушал Достоевского, который снова начал рассуждения о пушкинском памятнике и во второй раз рассказывал о том, как чудесно принимает его московское общество; перечислил даже блюда, столь поразившие его на банкете (промеж того – «суп из шампиньонов и претеньер имперяль, филей Ренессанс, соусы голландский и польский!»). Внезапно Федор Михайлович умолк, лицо его искривилось, и он поманил Рязанова пальцем:

– Подите сюда, господин Рязанов. Подите-подите.

Иван Иванович отставил недопитую чашку и поднялся. Достоевский встал навстречу ему, сделал пару мелких шагов и, всплеснув руками, заговорил, вплотную приблизившись к своему гостю, словно для поцелуя.

– Попомните, попомните, господин Рязанов: смута им нужна, смута! – горячо шептал Достоевский в лицо Ивану Ивановичу; запах изо рта был дурной, и Иван Иванович было отшатнулся, но писатель цепко ухватил его за плечи и продолжил: – Скажут другое – не верьте, не верьте! Ибо ложь! Я знаю, мне ли, многогрешному, не знать?! Муки, какие муки терплю... Ночь, шестой час пополуночи, город просыпается, а я еще не ложился, – каково оно, господин Рязанов, ведомо ли вам?! Говорю об астме, эмфиземе, эпилепсии, тогда как это всего лишь проявления немочи для существа, которое принуждено – чудовищною силою воли! – отказаться от пагубных устремлений и пристрастий, кои даже ему самому кажутся

ужасными... А они так не могут, им иное надобно, в крови у них оно, в крови, и крови же они хотят... Человеческая кровь им желанна, моря крови им сладостны! Смирились бы, гордецы, но нет. Нет... Почему, почему я вам открываюсь?... Да кто вы мне?! Прочь! Прочь!!

Внезапно разжав пальцы, Федор Михайлович выпустил Рязанова и осел бы кулем на пол, не подхватив его Иван Иванович. Он со всей осторожностью усадил писателя в кресло. Тот, казалось, не осознавал, где находится: вязко смотрел перед собою и шевелил губами, не произнося, впрочем, ни звука; руки повесил как плети до самого полу... Громко тикали часы, за дверью прошел кто-то мимо, неприлично топоча; загремел посудой, уронил что-то, гулко покотившееся.

«Не послать ли за доктором?» – подумал Иван Иванович. Он уже хотел кликнуть коридорного, но тут Достоевский перевел на Рязанова прояснившийся взгляд и спросил вполне здраво:

– Прошу прощения, не напугал ли я вас, не приведи бог?

– Нет-нет, Федор Михайлович, – поспешил сказать в ответ Рязанов.

– У меня часто случаются приступы, – доверительно сказал писатель, одергивая пальто. – Верно, работать надо поменьше, да как же так устроить? Не получается... Что же, уеду домой, дома всегда лучше. Пока вы не ушли, скажите: читали вы «Дворянское гнездо», что думаете о нем? Верно, вы не знаете: двадцать лет мы жили с господином Тургеневым во вражде, да в какой! Где только могли, вредили один другому, ночи не спали, думая, как бы побольней затронуть один другого, а тут – вся ненависть пропала, точно и не было ничего...

И остальное время, весьма непродолжительное, говорили они исключительно о книгах и сочинительстве, ни разу не вспомнив странное происшествие, однако речи Федора Михайловича запомнились Рязанову со всеми их паузами и интонациями.

5

Надворный советник Бенедикт Карлович Миллерс выглядел крайне усталым, под глазами его висели сизые мешки, словно он почти не спал нынче ночью. На столе его был все тот же сумбур, только нынче среди книг, журналов и бумаг лежали два огромных ухоженных револьвера «шамело», подобные тем, что приняты на вооружение во французской армии.

– Бог ты мой! – удивился Иван Иванович. – Экие монструозные орудия, Бенедикт Карлович! Неужто ваши?!

Необходимо сказать, что Рязанов с Миллерсом сошлись до той самой точки, которая максимально возможна в отношениях начальника и подчиненного, и в редкие свободные минуты обсуждали самым дружеским образом всякоразличные вещи. Вот и сейчас Иван Иванович решил отпустить шутливый комментарий относительно тяжелых миллерсовских револьверов.

– Мои, – отвечал Миллерс с видимой гордостью.

– Неудобно же, Бенедикт Карлович! – с укоризной сказал Рязанов. – Таскать подобные железки... Фунта два, наверное, тянут?

– Все три. Люблю я, Иван Иванович, эту такую внушительность в оружии. У меня коллекция вся такова: двадцатиоднозарядный шпилечный «лефаше» с двумя стволами, «ролл-лан-рено», «ле-ма», австрийские «гассеры», несколько «смит-вессонов»...

– Да у вас целый арсенал! – Рязанов искренне поразился, ибо полагал, что у Миллерса дома вполне может иметься отличная библиотека (в продолжение того разнообразия, что было явлено на кабинетном столе), но никак не коллекция револьверов, притом такая обширная.

– У меня еще есть несколько старинных образцов, капсюльных: «мариетта», «ноэль», «рейнгарт», маленький «дерринджер» – весьма хороший, кстати, небольшой пистолет...

Миллерс явно обрадовался тому, что Иван Иванович отвлек его от скучных и надоедливших дел и тронул тему столь любопытную.

– Поверите ли, господин Рязанов, на прошлой только неделе знакомый привез замечательную винтовку – «генри», с подствольным магазином и продольно-скользящим рычажным затвором, и барабанное ружье «пиппер-наган» – его делают бельгийцы специально для Мексики, довольно трудно было найти. Изрядные деньги пришлось отдать, а не жалко, право слово, не жалко! Вам, конечно, не понять, вы, я заметил, к оружию подходите исключительно с практической точки зрения...

Бенедикт Карлович разговаривал об орудиях убийства так, как заядлый энтомолог говорит о жуках и бабочках, как садовник – о каком-нибудь особенно удачном вьюнке, как опытный ловелас – о женщинах. Втайне Рязанов тут же возмечтал как-нибудь навестить Миллерса и посмотреть его коллекцию, хотя в самом деле относился к оружию довольно прохладно. Однако Бенедикту Карловичу это, вероятно, будет приятно.

– Что же господин Достоевский? – спросил тем временем Миллерс.

Иван Иванович рассказал о своем ночном визите, стараясь ничего не забыть и не перепутать, а странные слова, сказанные писателем в момент помешательства, привел полностью. Надворный советник внимательно выслушал, попросил повторить еще раз насчет «пагубных устремлений» и «морей крови», покачал головою, ничего, впрочем, не сказав более.

– Что мне делать дальше, Бенедикт Карлович?

– Ехать, ехать прочь отсюда. А ехать вам, господин Рязанов, придется к Миклашевским, старинным вашим знакомым, – неожиданно заключил Миллерс. – Удивлены?

– Был бы рад, если бы все задания оказались такими приятными, – отвечал Иван Иванович. – Боюсь только, у меня могут случиться проблемы с фигурой: у Миклашевских, по слухам, до сих пор принято избыточно потчевать гостей.

– Вот и замечательно, – сказал Миллерс, который, кажется, уже не слушал Рязанова. – Полагаю, места для вас знакомые и вы сами разберетесь, что и как. Я же попросил бы вас вот на что обратить внимание.

И Миллерс, придвинувшись ближе к Ивану Ивановичу, начал тайные речи, и шепот его был едва различим за шипением угольных ламп.

– ...Да перед отъездом отдохните, наполнитесь культурой, сходите пару раз в оперу, послушайте «Вильгельма Телля» Россини и «Юдифь» Серова, – посоветовал Миллерс. – Едете в глушь, соскучитесь, задичаете.

– В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов! – процитировал Рязанов и улыбнулся. – Все-непременно отдохну и откушаю!

А отдохнуть Ивану Ивановичу несколько не повредило бы, ибо уже самый первый месяц года наступившего вызвал в нем чрезвычайное напряжение. Его угораздило по некоему стечению обстоятельств – а правильнее сказать, по делам, не имеющим отношения к описываемой истории, – угодить в Саперный переулок в тот самый момент, когда типография «Народной воли» была накрыта полицией и там началась настоящая битва, в которой поневоле пришлось принять участие и Рязанову. Официально было представлено, будто полиция и сама не знала, что именно найдет она в доме номер десять по Саперному переулку, а произошедшее явилось для всех случайностью. Однако Иван Иванович в эту побасенку не верил, полагая, что собственную безалаберность и глупость полицейские чины пытаются неуклюже замаскировать под досадную неожиданность, к которой оказались не готовы. Уж коли велено было бы самому Ивану Ивановичу, он сделал бы совсем не так и ни в коем случае не принялся бы ломиться в двери квартиры господина Лысенко в два часа ночи, как это сделали полицейский пристав с двумя околоточными и двумя городовыми. То же и со старым фокусом о срочной телеграмме – с этой вестью дурак пристав послал к Лысенко дворника, да только находившиеся в квартире увидели полицию прежде, чем дворник стал стучаться в двери, и тут же начали стрелять.

Иван Иванович оказался подле дома на Саперном совсем по иному случаю и теперь выступал в роли вынужденного наблюдателя.

Перепуганный пристав послал за подкреплением, а дотоле вместе с оставшимися полицейскими заблокировал оба выхода, парадный и черный. Понятно, что очутившиеся в ловушке обитатели квартиры Лысенко немедля занялись тем, чем занялся бы на их месте любой другой здравомыслящий заговорщик: принялись уничтожать все имевшиеся бумаги и документы, которые никак нельзя было допустить в руки полиции. Когда же подкрепление наконец прибыло, вновь затеялась самая беспорядочная пальба. Жандармы, значительное число городских и для чего-то целая толпа дворников стали ломиться внутрь, так что происходящее живо напомнило Ивану Ивановичу описанную у Рабле атаку славного брата Жана и храбрых поваров Пантагрюэля на разъяренных Колбас, устроивших Пантагрюэлю засаду на острове Диком. Если бы городовые и дворники вскричали разом, подобно поварам: «Навузардан! Навузардан! Навузардан!» – Иван Иванович, право слово, не удивился бы.

Впрочем, быть сторонним наблюдателем Рязанову пришлось недолго: один мордатый и бородатый дворник с начищенной бляхой в темноте сунулся в проулок и налетел прямо на Ивана Ивановича и заорал с перепугу:

– Братцы! Да он здесь!

Иван Иванович без лишнего раздумья заехал дворнику в морду, но кто-то услышал его вопли, и по переулку гулко затопали каблуки. Вероятно, одинокий противник показался многим из атакующих куда привлекательнее засевшего в неприступной квартире отряда.

Чертыхаясь, Иван Иванович бросился к ближней поленнице и вскарабкался на нее, перепрыгнув затем на крышу флигеля. Внизу истошно залаяла собака, кто-то выстрелил – на сей раз уже точно в сторону Рязанова. Оскальзываясь в снегу, устилавшем крышу, Иван Иванович побежал прочь; наугад спрыгнул вниз, помолясь, чтоб не угодить на какие железки или ящики; а следом уже лезли на крышу, подсаживая друг друга и азартно крича. Разумеется, можно было остановиться и представиться, но ведь могли сначала побить – прежде всякого слушания. Попасть же под пулю не в меру усердного дурака-городового Рязанов и вовсе не искал.

Таким образом, он счастливо ретировался с места сражения.

Об эту пору у находящихся в квартире Лысенко закончились патроны; тут-то и пригодились дворники с топорами – они выломали двери, после чего в квартире началось вполне приличествующее составу нападавших избиение.

Само собой, не застал и не увидел Иван Иванович на Саперном появления градоначальника, прокурора, а также доктора; лишь после того, как означенные персоны посетили место сражений, связанных «нигилистов» отправили в крепость. Устроенная пальба перебудила едва ли не половину Санкт-Петербурга; таким образом соратники арестованных узнали о случившемся в типографии, и понятно, что в ее окрестностях так никого больше и не выловили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.